

Томас Лав Пикок Аббатство кошмаров

«Готический роман»: Эксмо; 2009
ISBN 978-5-699-35240-1

Аннотация

Три английских писателя и три образца классической готики. "Замок Отранто" Горация Уолпола, с которого, собственно, в 1764 году и началась литература ужасов. "Монах" - самый знаменитый готический роман, принесший девятнадцатилетнему Мэтью Грегори Льюису славу и удостоившийся весьма лестного отзыва маркиза де Сада. И, наконец, "Аббатство кошмаров" - блистательная пародия Томаса Лава Пикоча, в персонажах которой без труда угадываются Перси Шелли и другие поэты-романтики, современники автора. Три незаурядных произведения, ставшие истоками современных триллеров.

Томас Лав Пикок Аббатство кошмаров

*Волшебный, злой фонарь души
Неведомый допрежь. В тиши
Он мигом развернет виденья -
И пляски ведьм и привиденья.
Не похваляйтесь дыбой этой,
Страданиями пред целым светом.*
С. Батлер

Мэтью: Ох, это истинно ваше благородное настроение, сэр. Подлинная меланхолия ваша, сэр, подсказывает вам самые тонкие шутки. Я и сам, сэр, бывает, страдаю меланхолией, и тогда я беру перо, им мараю бумагу и, бывает, десять-двенадцать

сонетов сочиняю за один присест.

Стивен: Истинно, сэр, я все это без меры люблю.

Мэтью: Ах, прошу вас, пользуйтесь моим кабинетом: он к вашим услугам.

Стивен: Благодарствую, сэр, уж я не постесняюсь, поверьте. А есть у вас там стул, на котором можно предаться меланхолии?

Глава 1

Кошмарское аббатство, почтенное родовое поместье, обветшалое и оттого весьма живописное, уютно расположенное на полоске сухой земли между морем и болотами у границы Линкольнского графства, имело честь быть обиталищем Кристофера Сплина, эсквайра. Сей джентльмен, от природы склонный к ипохондрии, страдал к тому же несварением желудка, обыкновенно именуемым черной меланхолией. Друг юности обманул его; любовные его надежды были попорчены; с досады он предложил свою руку особе, которая приняла ее из корысти, тем самым безжалостно разорвав узы старой и верной привязанности. Она потешила свою суетность, став госпожой обширных, хоть и несколько запустелых, владений; но все чувства в ней остыли. Она сделалась богатая, но ценой того, что придает богатству цену, - взаимной, склонности. Все, что можно купить за деньги, ей постыло, ибо тем, что нельзя за них купить и что куда дороже их самих, она пренебрегла их ради. Слишком поздно она поняла, что принимала средства за цель и что состояние, с умом употребленное, лишь служит счастию, но самое счастье не в нем. Своенравно загубив свои чувства, она убедилась в тщете богатства как средства; ибо она все принесла ему в жертву, и оно осталось, таким образом, ее единственной целью. Она себе не признавалась в том, что руководствуется этим соображением, но посредством неосознанного самообмана оно все более в ней укоренилось, и, короче говоря, кончилось это немислимой скупостью. Во внутреннем своем разладе она винила причины внешние и постепенно сделалась совершенною брюзгой. Когда по утрам она производила ежедневный смотр своих покоев, все скрывались, заслышав скрип ее башмаков, а тем более звук ее голоса, которому не найти уподобленья в природе; ибо точно так, как голос женщины, звенящий любовью и нежностью, все звуки обращает в гармонию, он же превосходит их все мерзким неблагозвучием, поднимаясь в злобе до неестественной пронзительности. Мистер Сплин говаривал, что дом его не лучше большой конуры, потому что у всех там собачья жизнь. Разуверясь в любви и дружбе, ни во что не ставя познания и ученость, он пришел к заключению, что ничего нет в мире доброго, кроме доброго обеда; однако бережливая супруга нечасто его и этим баловала. Но вот однажды утром, подобно сэру Леолайну из "Кристабели", "он мертвую ее нашел" и остался весьма утешным вдовцом с ребенком на руках.

Своему единственному сыну и наследнику мистер Сплин дал имя Скютроп в память о предке с, материнской стороны, который повесился, наскуча жизнью, в один ужасный день, что при дознании было означено как *felo de se самоубийстве*. Мистер Сплин потому высоко чтит его память и сделал пуншевую чашу из его черепа.

Когда Скютроп подрос, его, как водится, послали в школу, где в него вбивали кое-какие познания, потом отправили в университет, где его заботливо от них освобождали; и оттуда был он выпущен, как хорошо обмолоченный колос, - с полной пустотой в голове и к великому удовлетворению ректора и его ученых собратий, которые на радостях одарили его серебряной лопаткой для рыбы с лестной надписью на некоем полудиком диалекте англосаксонской латыни.

Напротив, однокашники его, в совершенстве постигшие науку кутить и повесничать и тонкие знатоки зланных мест, его учили славно напиваться. Большую часть времени он проводил среди этих избранных умов, следя, как луч полночной лампы озаряет растущий строй пустых бутылей. Каникулы проводил он то в Кошмарском аббатстве, то в Лондоне, в доме у дядюшки по имени мистер Пикник, весьма живого и бодрого господина, женатого

на сестре меланхоличного мистера Сплина. В том доме съезжалось общество самое веселое. Скютроп танцевал с дамами, пил с мужчинами, и те и другие хором признали его образованнейшим и приятнейшим юношей, какие делают честь университету.

В доме мистера Пикника Скютроп впервые увидел мисс Эмили Джируетт, прекрасную собой. Он влюбился; что не ново. Чувства его были приняты благосклонно; что не странно. Мистер Сплин и мистер Джируетт встретились по этому случаю и не сошлись в условиях сделки; что не ново и не странно. Бедные любовники были разлучены и в слезах поклялись Друг другу в вечной верности; а спустя три недели после этого трагического события она, улыбаясь, шла к венцу с сиятельным мистером Глуппом; что не странно и не ново.

Известие о свадьбе Скютроп получил в Кошмарском аббатстве и едва не лишился рассудка. Первое разочарование больно отозвалось в его нежной душе. Отец, желая его утешить, читал ему толкование к Екклесиасту, составленное им самим и неоспоримо доказывающее, что все суeta суeta. Особенно подчеркивал он место: "Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел".

- На что же он рассчитывал, - возразил Скютроп, - когда вся тысяча была заперта в его серале? Опыт его чужд свободному состоянию общества, такого, как наше.

- Заперты они или на воле, - отвечал мистер Сплин, - все одно. Ум и сердце у женщины всегда заперты, и ключ к ним - только деньги. Уж поверь мне, Скютроп.

- О, я понимаю вас, сэр, - ответил Скютроп. - Но отчего же так глубоко запрятан их ум? Всему виной неестественное воспитание, прилежно обращающее женщину в заводную куклу на потребу обществу.

- Разумеется, - отвечал мистер Сплин. - Они не получают того прекрасного образования, какое получил ты. И что касается заводных кукол, ты прав, конечно. Я сам купил было такую, но совершенно испорченную; но уж не важно по какой причине, Скютроп, все они одна другой стоят, когда судишь о них до женитьбы. Лишь потом узнаем мы истинную их природу, как я убедился по горькому опыту. Брак, стало быть, потеря, и чем меньше ты печешься о том, какой выбрать билет, тем лучше; ибо чем больше стараний ушло на обретенье счастливого нумера, тем больше разочарование, когда он окажется пустым; ибо тогда приходится сожалеть еще о потере трудов и денег; для того же, кто выбирал свой билет наобум, разочарование куда более сносно.

Скютроп не оценил блистательного суждения и удалился к себе в башню, по-прежнему мрачный и безутешный.

Башня, которую занимал Скютроп, помещалась на юго-восточном углу аббатства; и с южной стороны ее была дверь, выходившая на террасу, именуемую садом, хотя ничего там не росло, кроме плюща да кое-каких сорняков. С точно тем же правом могла б называться птичником юго-западная башня, разрушенная и кишашая совами. С этой террасы, или сада, или садовой террасы, или террасного сада (предоставим избрать наименование самому читателю), открывался вид на длинную ревную прибрежную полосу, прелестное унынье ветряков и болот, а сбоку виднелось море.

Из всего сказанного читатель уж верно заключит, что аббатство строили как замок; и спросит у нас, не было ль оно в старину оплотом воинствующей церкви. Так ли это и насколько обязано оно вкусу предков мистера Сплина преобразованием первоначального своего плана, нам, к несчастью, не пришлось разузнать.

В северо-западной башне располагались покои мистера Сплина. Ров и болота за ним составляли всю панораму. Ров этот окружал все аббатство, близко подходя ко всем стенам, кроме южной.

Северо-восточную башню отвели для челяди, каковую мистер Сплин выбирал всегда по одному из двух признаков: вытянутая физиономия, либо зловещее имя. Дворецкий у него звался Ворон; его управитель был Филин; камердинер Скеллет. Мистер Сплин утверждал, что камердинер его родом из Франции и что пишется его фамилия Squelette. Конюхи у него были Стон и Рок.

Однажды, подыскивая себе лакея, он получил письмо от лица, подписавшегося Вопль Черреп, и поспешил совершить это приобретение; по прибытии же Вопля мистера Сплина ужаснул вид круглых красных щек и развеселых глаз. Черреп всегда улыбался - но не мрачной ухмылкой, а веселой улыбкой игрушечного паяса; и то и дело он вспугивал дремавшее эхо таким недостойным хохотом, что мистеру Сплину пришлось его рассчитать. И все же Черреп прослужил ему достаточный срок, чтобы покорить всех горничных старого джентльмена и оставить ему прелестное племя юных Черрепов, присоединившихся к хору ночных сов, дотоле единственных хористок Кошмарского аббатства.

Главное здание разделялось на парадные покои, пиршественные залы и несчетные комнаты для гостей, которые, однако, нечасто навещались.

Семейные интересы побуждали мистера Сплина время от времени наносить визиты миссис Пикник с супругом, которые отдавали их из тех же побуждений; и коль скоро бодрый джентльмен при этом почти не находил выхода кипучей своей жизнерадостности, он делался подобен лейденской банке, которая часто взрывалась неудержимой веселостью, несканно расстраивая мистера Сплина.

Другой гость, куда более во вкусе мистера Сплина, был мистер Флоски *Мистер Флоски - испорченное*, господин весьма унылый и мрачный, довольно известный литературной публике, но, по собственному его мнению, заслуживавший куда большей славы. Мистера Сплина расположило в нем тонкое чувство ужасного. Никто другой не мог рассказать страшную историю, с таким тщанием остановясь на каждой зловещей подробности. Никто не умел пугать слушателей таким обилием кошмаров. Таинственное было его стихией. И жизнь была пред ним заслонена плодом воображенья, небылицей. Он грезил наяву и среди бела дня видел вокруг толпы танцующих привидений. В юности был он поклонником свободы и приветствовал зарю Французской революции, как обетованье нового солнца, которое спалит с лица земли пороки и нищету, войну и рабство. А раз этого не случилось, следственно, ничего не случилось; а уж отсюда сообразно своей логической системе вывел он, что дело обстоит еще хуже; что ниспровержение феодальных основ тирании и мракобесия сделалось величайшим из всех бедствий, постигавших человечество; и теперь надежда лишь на то, чтоб сгрести обломки и заново возвести разрушенные стены, но уже без бойниц, куда издревле проникал свет. Дабы споспешествовать этой похвальной задаче, он погрузился в туманность Кантовой метафизики и много лет блуждал в трансцендентальном мраке, так что простой свет простого здравого смысла сделался непереносим для его глаз. Солнце он называл *ignis fatuus* *глупым светилом* и увещевал всех, кто соглашался его слушать (а было их столько же приблизительно, сколько голосов выкрикнуло "Боже, храни короля Ричарда!"), укрыться от его обманного сиянья в темном прибежище Старой философии. Слово "Старый" содержало для него неизъяснимую прелесть. Он то и дело поминал "доброе старое время", разумея пору, когда в богословии царила свобода мнений и соперничающие прелаты били в церковные барабаны с геркулесовой мощью, заключая свои построения весьма естественным выводом о том, что противника надобно поджарить.

Но дражайшим другом и самым желанным гостем мистера Сплина был мистер Гибель, манихейский проповедник тысячелетнего царства. Двенадцатый стих двенадцатой главы Апокалипсиса вечно был у него на устах: "Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени". Он уверял, что господство над миром отдано до поры в высших целях Закону Зла; и что тот именно период, который обыкновенно именуют просвещенным веком, есть время нераздельной его власти. Обычно он прибавлял, что вскоре с этим будет покончено и воссияет добро; но никогда не забывал уточнить: "Только мы не доживем". И на последние слова эхом отзывался горестный мистер Сплин.

Часто наезжал и еще один гость, его преподобие мистер Горло, викарий из Гнилистока, деревушки милях в десяти от аббатства, благожелательный и услужливый джентльмен,

всегда любезно готовый украсить своим присутствием стол и дом всякого томящегося одиночеством землевладельца. Ничем не пренебрегал он, ни игрой на бильярде, ни шахматами, ни шашками, на трик-траком, ни пикетом при условии *tete-a-tete*, ни любым увеселением, развлечением или игрой при любом числе участников более двух. Он пускался даже танцевать в кругу друзей, лишь бы дама, пусть ей и перевалило за тридцать, не подпирала стену из-за отсутствия кавалера. Прогулки верхом, пешком и на воде, пенье после обеда, страшный рассказ после ужина, бутылка доброго вина с хозяином, чашка чая с хозяйкой - на все это и еще на многое, приятное ближним, всегда готов был его преподобие мистер Горло сообразно своему призванию. Гостя в Кошмарском аббатстве, он скорбел с мистером Сплином, пил мадеру со Скютропом, хохотал с мистером Пикником, сопровождал миссис Пикник к фортепьянам, держал ей веер и перчатки и с удивительной ловкостью листал ноты, читал Апокалипсис с мистером Гибелем и вздыхал о добром старом времени феодальной тьмы с трансцендентным мистером Флоски.

Глава 2

Вскоре после столь несчастливой развязки любви Скютропа к мисс Эмили Джируэтт мистер Сплин помимо воли был впутан в тяжбу, которая требовала его нижайшего присутствия в высочайших судебных инстанциях. Скютроп остался один в Кошмарском аббатстве. Однажды обжегшись, он боялся огня женских глаз. Он бродил по просторным покоем и по садовой террасе, "устремая свои мыслительные способности на мыслимость мышления". Терраса упиралась в юго-западную башню, как уже знает читатель, разрушенную и населенную совами. Здесь Скютроп сживал по вечерам на замшелом камне, облокотясь о ветхую стену. Над головой у него густо вился плющ и гнездились совы, а в руках держал он "Страдания юного Вертера". Страсть к романам развилась в нем еще до университета, где, должны мы признать к чести сего заведения, его излечили от охоты к чтению всякого рода; излечение было бы полным, когда б разбитые любовные надежды и полное одиночество не привели сообща к новой вспышке болезни. Он жадно накинута на немецкие трагедии и, по совету мистера Флоски, углубился в толстые томы трансцендентальной философии, находя награду трудов в сложных туманных периодах и загробных фигурах. В соответственном уединении Кошмарского аббатства унылые идеи метафизического романтизма и романтической метафизики тотчас пустили ростки и дали пышные всходы химер.

Страсть к переустройству мира овладела его умом. Он строил воздушные замки, назначая их для тайных судилищ и встреч иллюминатов, с помощью которых надеялся он обновить природу человеческую. Замышляя совершенную республику, себя самого уже видел он самодержавным владыкой этих ревнителей свободы. Он спал, спрятав под подушкой "Ужасные тайны", ему снились почтенные элевтерархи и мрачные конфедераты, по ночам сходящиеся в катакомбах. По утрам он бродил по своему кабинету, погружаясь в зловещие мечты, надвинув на лоб, как камилавку, ночной колпак и, словно тогой заговорщика, окутавшись полосатым ситцевым халатиком.

- Действие, - так говорил он сам с собой, - есть итог убеждений, и новые убеждения ведут к новому обществу. Знание есть власть: она в руках немногих, и они пользуются ею, угнетая большинство, ради увеличения собственного богатства и могущества. Но если была б она в руках немногих, которые бы ею пользовались в интересах большинства? Быть может, власть станет общим достоянием и толпа делается просвещенной? Нет. Народам надобно ярмо. Но дайте же им мудрых вожатых. Пусть немногие думают, а многие действуют. Лишь на том может стоять разумное общество. Так мыслили еще древние: у старых философов были ученья для посвященных и для непосвященных. Таков великий Кант; свои прорицанья он излагает языком, понятным лишь для избранных. Так думали иллюминаты, чьи тайные союзы были грозой тирании и мракобесия, и, заботливо отыскивая мудрость и гений в скучной пустыне общества, подобно тому как пчела

собирает мед с терний и крапивы, они связали все человеческие совершенства узами, из которых, не будь они безвременно разорваны, выковались бы новые убеждения, и мир бы обновился.

Скютроп далее размышлял о том, стоит ли возрождать союз обновителей. И, дабы лучше уяснить себе собственные свои идеи и живее ощутить мудрость и гений эпохи, он написал и тиснул в печати трактат, где взгляды его были старательно прикрыты монашеским клобуком трансцендентального стиля, сквозь который проглядывали, однако, весьма опасные намеки, призванные начать всеобщее брожение в умах. С трепетом ожидал он последствий, как минер, взорвав поезд, ждет, когда взлетит на воздух скала. Но сколько ни вслушивался, он ничего не слышал, ибо взрыв если и произошел, то не столь громкий, чтоб шелохнуть хоть единый листик плюща на башнях Кошмарского аббатства; а несколько месяцев спустя получил он письмо от своего книгопродавца, который извещал, что семь экземпляров проданы, и заключал вежливой просьбой о возмещении издержек.

Скютроп не отчаивался. "Семь экземпляров, - думал он. - Семь экземпляров проданы. Семь - число мистическое и предвещает удачу. Найти бы мне тех семерых, что купили мои книжки, и это будут семь золотых светильников, которыми я озарю мир".

Скютроп от природы имел склонность к механике, и благодаря романтическим помыслам она все более в нем развивалась. Он вычертил планы келий, потайных дверей, ниш, альковов и подземных переходов, пред которыми оказалась бы тщетна вся опытность парижской полиции. Пользуясь отсутствием мистера Сплина, он потихоньку провел в аббатство немого столяра и с его помощью воплотил один из этих прожектов у себя в башне. Скютроп понимал, что судьбе великого вождя всеобщего обновления грозят ужасные перипетии, и решился ради счастья человечества принять все мыслимые предосторожности для сохранения своей особы.

Слуги, и даже женщины, научились молчать. Глубокая тишина воцарилась в стенах аббатства и вокруг; лишь звук неосторожно захлопнутой двери вдруг отзовется далеко по галереям да ненароком вспугнет сонное эхо тяжкий шаг задумчивого дворецкого. Скютроп ступал как великий инквизитор, и слуги шарахались от него, как привидения. Когда по вечерам он предавался размышлениям у себя на террасе под увитой плющом развалиной башни, слуха его достигали лишь жалобные голоса пернатых хористок - сов, шорох ветра в плюще, редкий бой часов да мерный плеск волн о низкий ровный берег. Он меж тем попивал мадеру и готовил полный ремонт здания человеческой природы.

Глава 3

Мистер Сплин воротился из Лондона, проиграв тяжбу. Правота была на его стороне, закон же напротив. Скютропа нашел он в самом соответственном - мрачном - расположении духа; и каждый старался усладить горькую свою чашу, понося порочный нынешний век и то и дело сдабривая свои сетования зловещими шутками о гробе, о червях, о надписях надгробных. Друзья мистера Сплина, которых мы представили читателю в первой главе, воспользовавшись его возвращением, все сразу нанесли ему визит. Тогда же явился друг и однокашник Скютропа сиятельный мистер Лежебок. Мистер Сплин встретил блестящего юного джентльмена в Лондоне "на дыбе кресел слишком мягких" погруженным в мизантропию и уныние и стал так истово убеждать его в преимуществах целебного сельского воздуха и зазывать в Кошмарское аббатство, что мистер Лежебок, смекнув, что проще покориться, нежели отказываться, призвал своего француза-лакея Сильвупле и объявил ему, что едет в Линкольншир. Сильвупле понял его, тотчас принялся за работу, и мистеру Лежебоку не пришлось более и слова произнести, ни даже подумать, как сундуки уже были уложены и коляска подана.

Мистер и миссис Пикник привезли с собой сироту-племянницу, дочь младшей сестры мистера Сплина, бежавшей из дома под венец с ирландским офицером. Состояние юной

леди исчезло в первый же год; любовь, в естественной последовательности, исчезла во второй, а в еще более естественной последовательности на третий год исчез и сам ирландец. Мистер Сплин назначил сестре пенсию, и она жила в тиши с единственной дочерью, которую после своей смерти оставила заботам миссис Пикник.

Мисс Марионетта Селестина О'Кэррол была цветущая юная особа, исполненная всяческих совершенств. Сочетая *allegro vivace*, унаследованное от О'Кэрролов, и *andante doloroso* *весело быстро... умеренно грустно*, присущее роду Сплинов, характер ее таил все превратности апрельского неба. Волосы у нее были каштановые; глаза карие, и в них то и дело загорались озорные искорки; губки были пухлые; она была прелестна. Она прекрасно музицировала. Разговор ее был жив и приятен, но всегда касался предметов легких и незначительных; родство душ и общность взглядов вовсе ее не занимали. Кокетка, ветреница, она сама не знала, чего хотела, не жалея трудов, устремлялась к цели, покуда та казалась ей недоступной, но тотчас теряла интерес к тому, что удавалось ей заполучить.

Почувствовала ли она склонность к своему кузену Скютропу или просто ей любопытно было взглянуть, какое действие окажет любовь на личность столь необыкновенную, но и трех дней не проведя в аббатстве, "напустила в ход все обольщенья своей красоты и все свои искусства, чтоб завладеть его сердцем. Скютроп оказался легкой добычей. Нежный образ мисс Эмили Джируетт уже достаточно стерся из его памяти под влиянием философии и умственных упражнений: ибо этим средствам, как и всяким другим, кроме истинных, приписывают обычно душевные исцеления, которые производит в нас великий лекарь - время. Романтические мечты Скютропа породили в его голове много чистых дочувственных познаний о сочетании ума и красоты, не вполне, как он опасался, представленном кузиной его Марионеттой; несмотря на свои опасения, он, однако, влюбился без памяти; и как только юная леди это заметила, она стала обращаться с ним иначе, сменив холодной сдержанностью прежний чистосердечный интерес к его особе. Скютропа поразила внезапная перемена; но, вместо того чтоб, упав к ее ногам, молить объяснения, он удалился к себе в башню и там, спрятав лицо под ночным колпаком, сидел в кресле председателя воображаемого тайного судилища, призывал Марионетту, пугал ее до смерти, а затем открывался ей и прижимал к груди раскаявшуюся красавицу.

И вот в ту самую минуту, когда ужасный председатель тайного судилища уже откидывал мантию и открывался милой преступнице как ее пылкий и великодушный любовник, дверь кабинета распахнулась и на пороге появилась истинная Марионетта.

Причины, побудившие ее прийти в башню, были отчасти раскаяние, отчасти забота, отчасти сердечная тревога, отчасти же опасение того, что могло означать внезапное удаление Скютропа. Несколько раз она постучалась, но он не услышал и соответственно не ответил; и, наконец осторожно и робко отворив дверь, она застигла его на старом дубовом столе перед взгроможденным на этот стол бархатным креслом; он распахивал полосатый ситцевый халатик и сдергивал с головы ночной колпак - весьма внушительная поза, как сказали бы французы.

Каждый на несколько секунд застыл на своем месте: леди в изумленье, джентльмен - совершенно потерянный. Марионетта первой нарушила молчание.

- Бога ради, - вскричала она, - милый Скютроп, что все это значит?

- О да, бога ради, - отвечал Скютроп, спрыгивая со стола, - верней, ради вас, Марионетта, ибо вы и есть мой бог, я скажу вам: помрачение рассудка - вот что все это значит. Я обожаю вас, Марионетта, и ваша жестокость сводит меня с ума.

Он бросился к ее ногам, осыпал руку ее поцелуями, и с уст его полетели тысячи заверений самого пылкого и романтического свойства.

Марионетта долго слушала молча, покуда любовник ее не истощил своего красноречия и не смолк в ожидании ответа. А потом она сказала, бросив на него лукавый взор:

- Умоляю тебя, выражайся по-человечески.

Неуместность реплики и тона, каким была она произнесена, так не вязались с восторженным вдохновением романтического влюбленного, что он тотчас вскочил на ноги и стал бить себя кулаками по лбу. Юная леди перепугалась не на шутку. И, сочтя за благо его утешить, она взяла его за руку, свободную свою руку положила ему на плечо, заглянула ему в глаза с неотразимой серьезностью и сказала нежнейшим голосом:

- Чего же вы хотите, Скютроп?

Скютроп уже снова был на седьмом небе.

- Чего я хочу? Мне нужна только ты, Марионетта! Как подруга моих трудов, соучастница моих мыслей, как помощница в великом моем замысле освобождения рода человеческого!

- Боюсь, что смогу стать лишь скромной помощницей, Скютроп. Что должна я для этого делать?

- Давайте поступим, как Розалия с Карлосом, о божественная Марионетта.

Пусть каждый из нас вскроет другому вену, а потом смешаем нашу кровь в чаше и выпьем в залог любви. И нас озарит трансцендентальный свет, и мы воспарим на крылах идей в сферы чистого разума.

Марионетта промолчала; ей недостало отваги Розалии, и мысль не показалась ей заманчивой. Вдруг она бросилась прочь от Скютропа за порог и бегом побежала по коридору.

Скютроп кинулся ей вслед с криком:

- Остановитесь, Марионетта, любовь моя, жизнь моя!

И он непременно настиг бы ее, когда б на злополучном углу, где сходились два коридора и спускалась вниз лестница, не случилось весьма неудачного и бурного столкновения его с мистером Гибелем, в результате которого оба покатались вниз, как два бильярдных шара в одну лузу. Юная леди тем временем ускользнула и заперлась у себя в комнате; а мистер Гибель, поднявшись и потирая ушибленные колени, сказал:

- Этот пустячный случай, милый Скютроп, одно из несчетных доказательств временного превосходства дьявола; ибо что же еще, кроме его упорных происков, могло заставить углы времени и пространства так несчастливо совпасть наверху проклятой лестницы?

- Разумеется, - ответил Скютроп, - что же еще? Ваша правда, мистер Гибель. Зло, и коварство, и муки, и разброд, и суета, и томление духа, и смерть, и болезни, и убийство, и война, и нищета, и мор, и голод, и алчность, и себялюбие, и ненависть, и хандра, и зависть, и разочарования благотворительности, и обманутая дружба, и попорченная любовь - все доказывает истинность ваших суждений и справедливость ваших выводов; и возможно, что подстроенное адом паденье с лестницы сделает отныне несчастливой мою участь.

- Милый юноша, - сказал мистер Гибель, - ты понимаешь толк в последовательности вещей.

С этими словами он обнял Скютропа, и тот безутешно удалился: переодеваться к обеду; а мистер Гибель долго еще ходил по просторной зале, повторяя:

- Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости.

Глава 4

Бегство Марионетты и преследование Скютропа не укрылось от взора мистера Сплина, и потому вечером он пристально наблюдал своего сына и племянницу; и, по поведению их заключив, что меж ними куда больше согласия, чем ему бы того хотелось, наутро решился он потребовать от Скютропа полного и удовлетворительного объяснения. Поэтому тотчас после завтрака он вошел к Скютропу в башню со строгим лицом и начал без обиняков и предисловий:

- Так, значит, сэр, вы влюблены в свою кузину. Скютроп после минутного

замешательства ответил:

- Да, сэр.
- Ну вот, хоть это честно; а она влюблена в тебя.
- О, если бы, сэр.
- Ты прекрасно знаешь, что влюблена.
- Да нет же, не знаю, сэр.
- Ну так надеешься.
- От всей души.

- И это весьма досадно, Скютроп; не ожидал, никогда б не подумал, что ты, Скютроп Сплин из Кошмарского аббатства, можешь потерять голову из-за такой вертушки, хохотушки, певуны, из-за такой беспечной и веселой особы, как Марионетта, - во всех отношениях она полная противоположность тебе и мне. Не ожидал, Скютроп. Да и знаете ли вы, сэр, что у Марионетты нет состояния?

- Тем более желательно, сэр, чтоб оно было у ее мужа.

- Желательно для нее; но не для тебя. У моей жены не было состояния, и у меня не было утешенья в моем бедствии. Да и подумал ли ты о том, во что обошлась мне эта тяжба? Какую львиную долю нашего имения я на ней потерял? А ведь мы были самыми крупными землевладельцами во всем Линкольншире...

- Разумеется, сэр, у нас было больше акров болот, чем у кого-нибудь еще на побережье; но что такое болота рядом с любовью? Что такое дамбы и ветряные мельницы рядом с Марионеттой?

- А что такое любовь рядом с ветряной мельницей, сэр? Уж она-то не льет на нее воду. К тому же я присмотрел для тебя партию. Я присмотрел для тебя партию, Скютроп. Красота, ум, воспитанье и огромное состояние в придачу. Такая милая, серьезная девушка и так благородно и тонко разочарована в целом свете и во всех его частностях. Я готовил тебе такой приятный сюрприз! Сэр, я уже дал слово, я поручился своей честью, честью Сплина из Кошмарского аббатства. Так что же, сэр, прикажешь теперь делать?

- Право, не знаю, сэр. В этом случае я ратую, сэр, за свободу воли, каковая от рождения дается всякому мыслящему существу.

- Свобода воли, сэр? Нет никакой свободы воли. Все мы рабы и игрушки в руках слепой и безжалостной необходимости.

- Совершенно верно, сэр; но свобода воли применительно к индивиду заключается в том, что на разных индивидов по-разному воздействует одинаковый для всех закон всеобщей необходимости, что приводит к несовпадающим следствиям, и вызванные необходимостью волеизъявления отдельных индивидов отталкиваются весьма неожиданным образом.

- В логике ты силен. Но тебе также должно быть известно, что один индивид может быть медиумом, с помощью которого та или иная форма необходимости сообщается другому индивиду, и тем самым способствовать совпадению волеизъявлений, а потому, сэр, если вы не покоритесь моему желанию в этом случае (во всем прочем ты вечно делал, что хотел), я покорюсь необходимости лишить вас наследства, хоть видит бог, как мне это трудно. - С этими словами он вдруг исчез, убоявшись логики Скютропа.

Мистер Сплин тотчас отыскал миссис Пикник и сообщил ей свои соображения. Миссис Сплин - как обычно говорят - любила Марионетту, словно родное дитя, но - а тут всегда следует "но" - что до состояния, она ничего не могла для нее поделать, ибо имела двоих многообещающих сыновей, которые заканчивали курс в Нахалле и вовсе бы не обрадовались, когда бы что-то помешало их видам выйти из места томления ума - иначе из университета - на землю, текущую молоком и медом, иначе - лондонский вестэнд.

Миссис Пикник дала понять Марионетте, что благоразумие, правила, достоинство et cetera, et cetera... требуют, чтоб они тотчас оставили аббатство. Марионетта слушала в молчаливом смирении, зная, что все наследство ее - покорность; однако, когда Скютроп, воспользовавшись уходом миссис Пикник, вошел к ней и, ни слова не сказав, в

несказанной тоске бросился к ее ногам, Марионетта, тоже молча и в такой же печали, обвила руками его шею и залилась слезами. Последовала нежнейшая сцена, которую верней вообразит отзывчивое сердце читателя, нежели передаст наше скромное перо. Когда же Марионетта обмолвилась, что должна тотчас покинуть аббатство, Скютроп вынул из хранилища череп предка, наполнил его мадерой и предстал пред мистером Сплином, грозя выпить все до дна, если мистер Сплин тотчас не пообещает, что Марионетту не увезут из аббатства без собственного ее согласия. Мистер Сплин, сочтя мадеру смертоносным питьем, ни жив ни мертв от ужаса, тотчас покорился. Скютроп вернулся к Марионетте с легким сердцем, по дороге осушив череп предка.

Во время пребывания в Лондоне мистер Сплин пришел к общему выводу с другом своим мистером Гибелем, что брак между Скютропом и дочерью мистера Гибеля был бы весьма желательным событием. Она воспитывалась в немецком монастыре и должна была скоро оттуда выйти, но мистер Гибель утверждал, что она достаточно прониклась истиной его аримановой философии и в точности такая унылая и антиталийная юная леди, какую только мог пожелать сам мистер Сплин в роли госпожи Кошмарского аббатства. В распоряжении ее было и большое состояние, не ускользнувшее от внимания мистера Сплина, когда он предпочел ее в качестве будущей своей невестки; потому его весьма опечалила своевольная страсть Скютропа к Марионетте. Он посетовал на нежелательное происшествие мистеру Гибелю. Тот отвечал, что слишком уже привык к вмешательству дьявола во все его дела и ничуть не удивлен, видя и на этот раз след его раздвоенного копыта; но наконец-то он надеется его перехитрить; ибо уверен, что между дочерью его и Марионеттой и сравнения быть не может в глазах всякого, кому дано понять, что мир - арена зла, а потому серьезность и степенность суть признаки ума, тогда как хохот и веселье лишь уподобляют человеческую особь мартышке. Мистер Сплин утешился этим взглядом на вещи и просил мистера Гибеля ускорить возврат дочери из Германии. Мистер Гибель отвечал, что ожидает ее со дня на день в Лондон и тотчас же поедет за нею, дабы немедленно привезти в аббатство.

- А там увидим, - прибавил он, - Талия или Мельпомена, Аллегра или Пенсероза украсится венком победы.

- У меня нет сомнений в том, - сказал мистер Сплин, - как склонится чаша весов, или Скютроп не подлинный отпрыск славного древа Сплинов.

Глава 5

Марионетта уже не сомневалась в нежных чувствах Скютропа; и несмотря на препятствия, ее подстерегавшие, она не могла отказать себе в удовольствии терзать верного обожателя и ни на минуту не давала ему успокоиться. То выказывала она ему самую неожиданную нежность; то самое замораживающее безразличие; выводила его из себя притворной холодностью; смягчала его любящее сердце ласковым обхождением; а то воспламеняла его ревность, кокетничая с сиятельным мистером Лежебоком, в котором под влиянием ее чар, словно бутон ночной фиалки, раскрылась жизненная сила. Она могла, сидя у фортепьян, слушать горькие упреки Скютропа; но неожиданно прерывала самые пламенные его излияния и совершенно сбивала его с мысли, вдруг проходясь по клавишам в рондо аллегро и замечая:

- Не правда ли, как мило?

Скютроп негодовал; а она отвечала ему пением:

- *Zitti, zitti, piano, piano, Non facciamo confusione Тихе, тихе, не шумите, чтобы он не догадался* - или другой, столь же легкомысленной выходкой; Скютроп, сам не свой от гнева, бросался от нее прочь, запирался у себя в башне и отрекался от нее и от всего ее пола - навсегда; и возвращался к ней, непреложно призываемый запиской, полной раскаяния и обещаний исправиться. Замысел Скютропа обновить мир и отыскать семь своих золотых светильников развивался очень медленно из-за этих треволнений.

Так проходил день за днем; и мистер Сплин начинал уже тревожиться, не получая известий от мистера Гибеля, когда этот последний однажды вечером ворвался в библиотеку, где собрались хозяева и гости, с криком:

- К вам сошел дьявол в сильной ярости! - Затем он увлек мистера Сплина в соседний покой и, переговорив наедине, оба вернулись к гостям в полном смятении, никому, однако же, не объясняя его причины.

На другое утро, чуть свет, мистер Гибель отбыл. Мистер Сплин весь день тяжело вздыхал и никому не говорил ни слова. Скютроп, как всегда, повздорил с Марионеттой и, смертельно уязвленный, заперся у себя в башне. Марионетта утешалась игрой на фортепьянах и пением арий из "Nina pazza per amore" *Нина, или Безумная от любви*, а его сиятельство мистер Лежебок вслушивался в сладостные звуки, распростершись на софе и держа в руке книжку, в которую то и дело заглядывал. Его преподобие мистер Горло приблизился к софе и предложил партию на бильярде.

Его сиятельство мистер Лежебок: Бильярд! Право же, я бы с радостью. Но я так изнурен, я не вынесу напряжения. Не помню, когда я мог себе это позволить. (*Звонит в колокольчик, входит Сильвупле*) Сильвупле! Когда я в последний раз играл на бильярде?

Сильвупле: Шетырнасатого декабря прошлого года, мосье. (*Кланяется и уходит*)

Его сиятельство мистер Лежебок: Ну вот. Тому уже семь месяцев. Вы сами понимаете, мистер Горло; вы понимаете, сэр. У меня расстроены нервы, мисс О'Кэррол. Врачи шлют меня в Бат, иные рекомендуют Челтнем. Надо бы попробовать то и другое, если позволит сезон. Сезон, понимаете ли, мистер Горло, сезон, мисс О'Кэррол, сезон - это все.

Марионетта: А здоровье - это кое-что. *N'est-ce pas* *Не так ли*, мистер Горло?

Его преподобие мистер Горло: Положительно, мисс О'Кэррол. Ибо, сколько б ни спорили мыслители относительно *summum bonum высшего Блага*, никто из них не станет отрицать, что прекраснейший обед есть вещь прекраснейшая. Но что такое прекрасный обед без прекрасного аппетита? И отчего же происходит хороший аппетит, как не от хорошего здоровья? Ну, а в Челтнеме, мистер Лежебок, у всех прекраснейший аппетит.

Его сиятельство мистер Лежебок: Логичнейшее рассуждение, мистер Горло; какая стройность. Я и так уж всерьез подумывал о Челтнеме; идея глубоко меня захватила. Я думал о нем... погодите-ка - когда же это я о нем думал? (*Звонит в колокольчик, появляется Сильвупле*) Сильвупле! Когда я думал ехать в Челтнем и не поехал?

Сильвупле: Двасять перво юля, прошлым летом, мосье. (*Сильвупле уходит*)

Его сиятельство мистер Лежебок: Ну вот. Бесценный малый, мисс О'Кэррол, просто бесценный, мистер Горло.

Марионетта: В самом деле. Он служит вам ходячей памятью и как живая летопись не только действий ваших, но и мыслей.

Его сиятельство мистер Лежебок: Превосходное определение, мисс О'Кэррол, превосходное, честное слово! Ха! Ха! Ха! Смех - приятное занятие, только мне вредно напрягаться.

Принесли пакет для мистера Лежебока; он был доставлен с нарочным. Был призван Сильвупле и распечатал пакет. Там оказались новый роман и новая поэма, давно и с трепетом ожидаемые всей светскою читающею публикой; а еще свежий номер популярного журнала, коего издатели снискали милости двора и крупный пенсioen беспорочной службой Церкви и государству. Когда Сильвупле ушел, явился мистер Флоски и с интересом стал осматривать литературные новинки.

Мистер Флоски (*листая страницы*) : "Тумандагиль", роман. Гм. Ненависть, мстительность, мизантропия и цитаты из Библии. Гм. Патологическая анатомия черной желчи. Так... "Пол Джонс", поэма. Гм. Понимаю. Пол Джонс, прелестный и восторженный юноша... разочарованный в лучших чувствах... становится пиратом с тоски и от величия души... режет глотки многим мужчинам, покоряет сердца многих женщин... и, наконец, вздернут на нок-рее! Развязка весьма искусственна и непоэтична. "Даунингстритское

обозрение". Гм. Первая статья. "Ода к "Красной книге"", Родерик Винобери, эсквайр. Гм. Разбор собственного сочинения. Гм-м.

(Мистер Флоски молча просматривает остальные статьи в журнале; Марионетта листает роман, а мистер Лежебок поэму)

Его преподобие мистер Горло: Вы такой светский молодой человек и такого высокого рода, мистер Лежебок, а тем не менее весьма прилежны.

Его сиятельство мистер Лежебок: Прилежен! Вы изволите шутить, мистер Горло. Какое же может быть у меня прилежание? Образование мое уже закончено. Но есть модные книги, которые нельзя не прочесть, потому что все о них говорят; а в остальном я не больший охотник до чтения, чем, извините мою смелость, вы сами, мистер Горло.

Его преподобие мистер Горло: Отчего же, сэр? Не могу сказать, чтобы я уж очень любил книги; однако ж я и не то чтобы вовсе никогда ничего не читал. Прочитать иной раз вслух занимательный рассказец или поэмку в кругу дам, занятых рукоделием, не значит еретически употребить свои голосовые данные, сэр. И мне кажется, сэр, мало кто с таким достойным Иова долготерпеньем сносит вечные вопросы и ответы, которые так и сыпятся вперемежку в самых интересных местах и нагнетают напряжение.

Его сиятельство мистер Лежебок: А часто и создают напряжение там, где у автора его незаметно.

Марионетта: Надо мне как-нибудь в плохую погоду испытать ваше долготерпение, мистер Горло; а мистер Лежебок назовет нам новейшую из новинок, которую все читают.

Его сиятельство мистер Лежебок: Вы получите ее, мисс О'Кэррол, во всем блеске новизны; свеженькую, как спелая слива, только с ветки, вся в пушку; вы получите ее почтой из Эдинбурга с нарочным из Лондона.

Мистер Флоски: Эта жажда новизны губит литературу. Кроме моих произведений да еще кое-кого из моих друзей, все, что появилось после старика Джереми Тэйлора, никуда не годится; и, entre nous, лучшее в книгах моих друзей написано либо придумано мною.

Его сиятельство мистер Лежебок: Я глубоко чту вас, сэр. Но, признаюсь, книги нынешние созвучны моим чувствам. Будто восхитительный северо-восточный ветер, отравляющий мысль и душу, прошелся по их страницам; чарующая мизантропия и мрачность доказывают, сколь ничтожны деятельность и добродетель, и окончательно примиряют меня с самим собою и моим диваном.

Мистер Флоски: Совершенно верно, сэр. Нынешняя литература - северо-восточный ветер, губящий души. И должен признать, в том немалая моя заслуга. Чтобы получить прекрасный плод, надобно погубить цветок. Парадокс, скажете вы? Вот и прекрасно. Подумайте над ним.

Беседа была прервана появлением мистера Гибеля. Он показался в дверях, весь покрытый грязью, проговорил:

- К вам сошел диавол, - и тотчас исчез.

Дорога, соединявшая Кошмарское аббатство с цивилизованным миром, была искусственно поднята над уровнем болот и шла сквозь них прямой чертой, насколько хватал глаз; а по обеим сторонам ее тянулись канавы, причем воду в них совершенно скрывала водная растительность. И в одну из этих канав, из-за странного поступка лошади, прянувшей от ветряной мельницы, опрокинулась бричка мистера Гибеля, которому пришлось в глубокой тоске выпрыгнуть в окно. Одно колесо сломалось; и мистер Гибель, предоставя фореитору доставить экипаж до Гнилистака, чтоб там починить его и почистить, пешком отправился назад к аббатству, сопровождаемый слугою с сундуком, и всю дорогу повторял свое любимое место из Апокалипсиса.

Глава 6

Мистер Гибель нашел дочь свою Селинду в Лондоне и, как только улеглась первая

радость встречи, сообщил ей, что присмотрел для нее мужа. Юная леди с большой твердостью отвечала, что берет на себя смелость выбирать мужа сама. Мистер Гибель сказал, что дьявол всегда вмешивается во все его дела, но что он, со своей стороны, уже решился не брать на душу греха и не потакать проискам Люцифера, и, следственно, она должна пойти замуж за того, кого выбрал для нее отец. Мисс Гибель возразила, что решительно не согласна.

- Селинда, Селинда, - сказал мистер Гибель, - ты решительно должна.

- Разве мое состояние не принадлежит мне, сэр? - спросила Селинда.

- Тем досадней, - отвечал мистер Гибель. - Но я управу на тебя найду, мать моя. Уж я сумею укротить строптивую девчонку.

Они простились на ночь каждый при своем мнении, а утром комната юной леди оказалась пуста, и мистер Гибель мог только теряться в догадках о том, что с нею случилось. Он искал ее повсюду, то и дело наезжая в Кошмарское аббатство посоветоваться с другом своим мистером Сплином. Мистер Сплин соглашался с мистером Гибелем, что тут ужасающий пример своенравия и непослушания воле родительской, а мистер Гибель обещал, что, когда он настигнет беглянку, он покажет-таки ей, что "к ней сошел диавол в сильной ярости".

Вечером, как всегда, все сошлись в библиотеке; Марионетта сидела за арфой, его сиятельство мистер Лежебок сидел рядом и перелистывал ноты, рискуя перенапрячь свои силы. Его преподобие мистер Горло время от времени сменял его, беря на себя сей сладостный труд. Скютроп, терзаемый демоном ревности, сидел в углу и кусал губы и ногти. Марионетта поглядывала на него, совершенно выводя его из себя добродушной улыбкой, которой старался он не замечать, отчего приходил в еще большее смятение. Он положил на колени том Данта и делал вид, будто углублен в чтение "Чистилища", хоть не понимал ни слова, о чем вполне догадывалась Марионетта; перейдя комнату, она заглянула в книгу и сказала:

- Я вижу, вы посреди "Чистилища".

- Я посреди ада, - отвечал Скютроп, сам не свой от бешенства.

- О? - сказала она. - Тогда перейдемте в тот угол, и я спою вам финал из "Дон-Жуана".

- Оставьте меня, - сказал Скютроп.

Марионетта взглянула на него с улыбкой и укором и сказала:

- Несправедливый, упрямый злока, вот вы кто!

- Оставьте меня, - отвечал Скютроп, но уже куда с меньшей пылкостью и вовсе не желая, чтобы его поймали на слове. Марионетта тотчас его оставила и, снова садясь к арфе, сказала погромче, чтобы Скютроп услышал:

- Читали вы когда-нибудь Данта, мистер Лежебок? Скютроп читает Данта, и сейчас он в чистилище.

- Ну а я, - отвечал его сиятельство мистер Лежебок, - я не читаю сейчас Данта, и я в раю. - И он поклонился Марионетте.

Марионетта: Вы очень любезны, мистер Лежебок; и, полагаю, очень любите Данта.

Его сиятельство мистер Лежебок: До последнего времени Дант мне как-то не попадался. В библиотеке моей его не было, а если б и был, я б не собрался его прочесть. Но нынче, я вижу, он входит в моду, и боюсь, как-нибудь утром мне придется его прочитать.

Марионетта: Нет, непременно читайте его вечером, слышите! Любили ль вы когда-нибудь, мистер Лежебок?

Его сиятельство мистер Лежебок: Уверяю вас, мисс О'Кэррол, - никогда. Пока не приехал в Кошмарское аббатство. И любить, скажу я вам, так приятно; но от этого столько тревог, что, боюсь, я не выдержу напряжения.

Марионетта: Преподать вам краткий способ ухаживать вовсе без тревог?

Его сиятельство мистер Лежебок: Вы безмерно меня обяжете. Я горю нетерпением выучиться вашему способу.

Марионетта: Садитесь к даме спиной и читайте Данта; только непременно начните с

середины и листайте сразу по три страницы - вперед и назад, - и она тотчас догадается, что вы от нее без ума.

(Его сиятельство мистер Лежебок, сидя между Марионеттой и Скютропом и все свое внимание обрати к чаровнице, не видит Скютропа, поступающего в точности согласно ее описанию)

Его сиятельство мистер Лежебок: Вы изволите шутить, мисс О'Кэррол. Леди, конечно, подумает, что я ужаснейший невежа.

Марионетта: Нисколько. Разве что удивится тому, как странно иные выказывают свои чувства.

Его сиятельство мистер Лежебок: Однако ж, покоряясь вам...

Мистер Флоски *(подходя к ним с дальнего конца комнаты):* Мистер Лежебок считает, кажется, что Дант входит в моду, так ли я расслышал?

Его сиятельство мистер Лежебок: Я осмелился это заметить, хоть говорю о подобных предметах с сознанием собственного ничтожества в присутствии такого великого человека, как вы, мистер Флоски. Я не знаю Дантовых форм и фигур, не знаю даже цвета его чертей, но, коль скоро он входит в моду, заключаю, что они у него черные; ибо черный цвет, я полагаю, мистер Флоски, и особенно черная меланхолия в моде у нынешних сочинителей.

Мистер Флоски: В самом деле на черную меланхолию большой спрос, но, когда - чем черт не шутит - ее нет под рукой, ее заменяет зеленая тоска, серая скука, а также хандра, уныние, ночные кошмары и прочая чертовщина. Из-за чая, поздних обедов и Французской революции все пошло к дьяволу и в игру вступил сам дьявол.

Мистер Гибель *(встрепенувшись):* В сильной ярости.

Мистер Флоски: Здесь не игра слов, но суровая и горестная истина.

Мистер Лежебок: Чай, поздние обеды, Французская революция. Я не вполне улавливаю связь идей.

Мистер Флоски: Я бы весьма огорчился, если б вы ее улавливали; мне жаль того, кто улавливает связь собственных идей. Еще более жаль мне того, в чьих идеях любой другой улавливает связь. Сэр, величайшее зло в том, что моральная и политическая литература наша чересчур доступна; доступность, вообще ясность, свет - величайший враг таинственного, а таинственное - друг вдохновенья, восторга и поисков. А поиски отвлеченной истины - занятие исключительно благородное, если только истина - цель поисков - настолько отвлеченна, что недоступна человеческому пониманию. И в этом смысле меня вдохновляют поиски истины. Но только в этом, и ни в каком другом, ибо радость метафизических изысканий не в цели, но в средствах; и, как скоро цель достигнута, нет уже радости от средств. Для здоровья уму нужны упражнения. Лучшее упражнение ума - неустанное рассуждение. Аналитическое рассуждение - занятие низкое и ремесленное, ибо ставит своей целью разобрать на составные части грубое необработанное вещество познания и извлечь оттуда несколько упрямых вещей, именуемых фактами, которые, как и все даже отдаленно ни них похожее, я от всего сердца ненавижу. Синтетическое же рассуждение стремится к некоей недостижимой отвлеченности, подобной мнимой величине в алгебре, начинается с принятия на веру двух положений, которых нельзя доказать, объединяет эти две посылки для создания третьей, и так далее до бесконечности, несказанно обогащая человеческий разум. Прелесть процесса состоит в том, что каждый шаг ставит вас перед новым разветвлением пути, и так в геометрической прогрессии; так что вы непременно заблудитесь и сохраните здоровье ума, постоянно упражняя его бесконечными поисками выхода; потому-то я и окрестил старшего сына Иммануил Кант Флоски.

Его преподобие мистер Горло: Как нельзя более понятно.

Его сиятельство мистер Лежебок: Но каким образом ведет все это к Данту, к черной меланхолии, хандре и ночным кошмарам?

Мистер Пикник: К Данту, пожалуй, не совсем, но к ночным кошмарам ведет.

Мистер Флоски: Нашу литературу мучат кошмары - это несомненно и весьма отраднo. Чай расшатал наши нервы; поздние обеды делают из нас рабов несварения желудка; Французская революция сделала для нас пугалом самое слово "философия" и отбила у лучших, избранных членов общества (к числу коих и я принадлежу) всякий вкус к политической свободе. Та часть читающей публики, которая грубой пище разума предпочла легкую диету вымысла, требует все новых острых соусов, ублажая свое развращенное воображение. Довольно долго питалась она духами, домовыми и скелетами (мне и другу моему мистеру Винобери обязана она изысканнейшим угощением), пока и сам дьявол, даже увеличенный до размеров горы Афон, не сделался слишком "простым, обыкновенным, из низкого народа", для ее неумеренного аппетита. Духи, следственно, были изгнаны, а дьявол брошен во тьму внешнюю, и нам осталось одно духовное наслаждение - разбирать пороки и самые низкие страсти, свойственные человеческой природе, спрятанные под маскарадными костюмами героизма и обманутого великодушия; весь секрет в том, чтоб создать сочетания, совершенно не вяжущиеся с нашим опытом, и пришить пурпурную заплату какой-нибудь редкостной добродетели к тому именно персонажу, которому никак не может она быть присуща в действительности; и не только этой единственной добродетелью искупить все явные и подлинные пороки персонажа, но представить самые эти пороки как неременное дополнение и необходимые свойства и черты указанной добродетели.

Мистер Гибель: Потому что к нам сошел дьявол и ему нравится разрушать и путать все наши представления о добре и зле.

Марионетта: Я не вполне поняла вашу мысль, мистер Флоски, и рада бы, чтоб вы мне ее немного разъяснили.

Мистер Флоски: Достаточно одного-двух примеров, мисс О'Кэррол. Стоит мне собрать все самые подлые и омерзительные черты ростовщика-еврея и к ним, как гвоздем, прибить одно качество - безмерное человеколюбие - и вот уже готов прекрасный герой романа в новейшем вкусе, а я внес свою лепту в модный способ потреблять пороки в тонкой и ненатуральной обертке добродетели, как если бы паука в золотой облатке потребляли в качестве целительного порошка. Точно так, если некто набросится на меня в темноте, сойдет с ног и силой отберет часы и деньги, я могу не остаться внакладе, выведя его в трагедии пылким юношей, лишенным наследства по причине его романтического великодушия и щедрости, снесаемым упоительной ненавистью к миру вообще и к отечеству в частности и самой возвышенной и чистой любовью к собственной особе. Затем, добавив сумасбродную девицу, с которой вместе нарушит он подряд все десять заповедей (всякий раз, как вы убедитесь, из благороднейших побуждений, каковые надобно прилежно разобрать), я получу парочку трагических героев, как нельзя более подходящих для того вида словесности нынешней, которую я называю Патологической анатомией черной желчи и которая достойна всяческого восхищения, ибо открывает широчайший простор для проявления умственных способностей.

Мистер Пикник: И почти столь же удачного их употребления, как если бы тепло оранжереи использовалось для выведения колючек и шипов размерами с дерево. Если мы этак и дальше будем продолжать, мы выведем новый сорт поэзии, которой главною заботой будет - забыть о том, что есть на свете музыка и сиянье солнца.

Его сиятельство мистер Лежебок: Боюсь, что именно это случилось сейчас с нами, иначе мы бы, уж верно, не предпочли музыке мисс О'Кэррол разговора о столь скучных материях.

Мистер Флоски: Я буду счастлив, если мисс О'Кэррол напомнит нам, что есть еще музыка и солнце...

Его сиятельство мистер Лежебок: В прелестном голосе и улыбке. Могу ли я молить о чести?

(Переворачивает ноты)

Все умолкли, и Марионетта спела:

Скажи, в чем грустишь, монах?
И почему уныл?
Ты побледнел, всегда в слезах,
Иль молодость забыл?
Где смелость? Юный пыл?
Был ты, монах, розовощек,
Огнем твой взор сверкал.
Любого б радостью зажег,
А ныне худ и вял,
Смеяться перестал.
Послушай, что скажу, монах!
Ты мной разоблачен!
То не болезнь, поверь, монах,
Ведь ты в меня влюблен!
Да, да, в меня влюблен!
Но ты не мне давал обет -
Принадлежишь Творцу.
Должна сказать я твердо "нет!".
Ведь страсти не к лицу
Монаху-чернецу.
Ты думаешь, твой вялый взгляд
Во мне огонь зажжет?
Любви любой идет наряд -
Кто любит, тот поет,
Не сыч, а жаворонок тот!

Скютроп тотчас поставил Данта на полку и присоединился к кружку подле прелестной певицы. Марионетта подарила его ободряющей улыбкой, совершенно вернув ему самообладание, и весь остаток вечера прошел в безмятежном согласии. Его сиятельство мистер Лежебок переворачивал ноты с удвоенной живостью, приговаривая:

- Вы не знаете снисхождения к немощным, мисс О'Кэррол. Спасаясь от насмешек ваших, я бодрюсь изо всех сил, а мне ведь вредно напрягаться.

Глава 7

Новый гость явился в аббатстве в лице мистера Астериаса, ихтиолога. Этот джентльмен провел свою жизнь в поисках живых чудес на морских глубинах всех стран света; и составил собрание сушеных рыб, рыбьих чучел, раковин, водорослей, кораллов и мадрепор - предмет зависти и восхищения Королевского общества. Он проник в водное убежище спрута, нарушил супружеское счастье сего океанского голубочка и с победой вышел из кровавой схватки. Застигнутый штилем в тропических широтах, не раз следил он в страстном нетерпенье, - к несчастью, всегда вотще, - когда же вынырнет из бездны гигантский полип и обовьется огромными щупальцами вокруг снастей и мачт. Он утверждал, что все на свете водного происхождения, что первые одушевленные существа были многоногие и что от них и взяли индусы своих богов, самых древних из всех божеств человечества. Но главным его устремленьем, целью его исследований, их венцом и наградой были тритон и русалка, в коих существованье он свято и нерушимо верил и готов был его доказывать *a priori*, *a posteriori*, *a fortiori на основании ранее известного; из последующего; исходя из более весомого* синтетически и аналитически, с помощью

силлогизмов и индукции, с помощью признанных фактов и вероятных гипотез. Известие о том, что на морском берегу в Линкольншире промелькнула русалка, "расчесывающая смоль своих кудрей", заставило его тотчас покинуть Лондон и нанести давно обещанный визит старому своему знакомому мистеру Сплину.

Мистер Астериас явился сопровождаемый сыном, которому дал он имя Водолей, лстя себя надеждой, что тому суждено ярко просиять на небосклоне ихтиологической науки. Кто была та отзывчивая особа, в чьей форме был отлит Водолей, никто не имел понятия; и, поскольку о матери Водолея никогда не упоминалось, лондонские острословы уверяли, что мистер Астериас некогда пользовался милостями русалки и что научная любознательность, заставляющая его обрывать морские берега, имеет основой не вполне философские поиски утраченного счастья.

Мистер Астериас осматривал берег несколько дней, стяжав разочарование, но не безнадежность. Однажды вечером, вскоре по приезде, он сидел у одного из окон библиотеки и смотрел на море, как вдруг внимание его привлекло смутно различимое в безлунной тьме существо, двигавшееся близ самой полосы прибоя. Движения его были неверны и как будто нерешительны. Длинные волосы существа развевались по ветру. Кто бы это ни был, это был, конечно, не рыбак. Это могла быть леди; но ни миссис Пикник, ни мисс О'Кэррол это быть не могли, так как обе дамы сидели в библиотеке. Это могла быть одна из служанок; но нет, существо казалось слишком грациозным и непринужденным. Да и зачем было служанке в такой час бродить по берегу безо всякой видимой цели? Вряд ли это была незнакомка; ибо Гнилисток, ближайшая деревушка, находился в десяти милях, и какая женщина стала бы одолевать десять миль болот для того только, чтоб слоняться по берегу у стен аббатства? Быть может, это русалка? Возможно, это русалка. Вероятно, это русалка. Весьма вероятно, что это русалка. Более того, кому же это быть, как не русалке? Разумеется, это русалка. Мистер Астериас на цыпочках вышел из библиотеки, сделав Водолею знак следовать за ним и хранить молчание.

Всех поразило поведение мистера Астериаса, кое-кто стал смотреть в окна, ожидая там решения загадки. Вот они увидели, как мистер Астериас с Водолеем осторожно крадутся по ту сторону рва; но больше ничего не увидели; и, воротясь, мистер Астериас в глубокой тоске им поведал, что заметил было русалку, но она скрылась во мраке и ушла, как он полагал, ужинать с влюбленным тритоном в подземном гроте.

- Нет, без шуток, мистер Астериас, - сказал его сиятельство мистер Лежебок, - вы всерьез верите, что существуют русалки?

Мистер Астериас: Совершенно убежден. И тритоны.

Его сиятельство мистер Лежебок: Но как же это возможно? Полулюди-полурыбы?

Мистер Астериас: Совершенно верно. Морские орангутанги. Однако же я убежден, что имеются и совершенно морские люди, ничем от нас не отличные, кроме того, что они глупы и покрыты чешуей; ибо, хотя устройство наше, казалось бы, со всей определенностью исключает нас из класса земноводных, тем не менее анатомам известны случаи, когда *foramen ovale продолговатое отверстие* остается открытым и в зрелом возрасте, и особь в таком случае может жить, не дыша; да и как бы иначе возможно было объяснить, что индийские ныряльщики за жемчугом целые часы проводят под водою? Или что известный шведский садовник из Тронингхольма более суток прожил под водою, не утонув? Нереида, русалка, была в 1403 году обнаружена на Немецком озере, и отличалась она от обычной француженки тем лишь, что не разговаривала. В конце семнадцатого столетия английское судно в гринландских водах в ста пятидесяти лигах от берега заметило флотилию из шестидесяти или семидесяти корабликов, и каждым корабликом управлял тритон, иначе - сын моря; завидя английское судно, все они, охваченные страхом, вместе с корабликами исчезли под водою, как некая человеческая разновидность Нотилиуса. Славный Дон Фейхоо передает подлинное и достоверное преданье о юном испанце по имени Франсиско де ла Вега, каковой, купаясь с друзьями в июне 1674 года,

вдруг нырнул и не появлялся более. Друзья почли его утонувшим; они были простолюдины и благочестивые католики; но и философ не пришел бы здесь к иному умозаключению.

Его преподобие мистер Горло: В самом деле, весьма логично.

Мистер Астериас: Пять лет спустя рыбаки близ Кадиса поймали в сети тритона, сына моря; они обращались к нему на многих языках...

Его преподобие мистер Горло: Образованные, однако, рыбаки.

Мистер Пикник: Способности к языкам даровал им особой милостью их собрат - рыбак, святой Петр.

Его преподобие мистер Горло: Разве же святой Петр святой заступник Кадиса? *(На этот вопрос никто не умел ответить, и мистер Астериас продолжал свой рассказ)* Они обращались к нему на многих языках, но он оставался нем как рыба. Призвали святых братьев, те изгнали из него беса; но и бес оставался нем. Несколько дней спустя он произнес слово "Лиерган". Монах повез его в ту деревню. Мать и домашние узнали его и раскрыли ему объятия; но он был столь же бесчувствен к их ласкам, как была бы любая рыба на его месте. Тело его покрывала чешуя; она постепенно спадала; однако под ней проступала кожа грубая и твердая, как шагреня. Он провел в родном доме девять лет, не научившись ни говорить, ни мыслить; потом он снова исчез; а еще через несколько лет один старый его знакомец увидел, как он высунул голову из воды неподалеку от берегов Астурии. Все эти факты подтверждены его братьями, а также Доном Гаспардо де ла Рибла Агуеро, членом ордена святого Иакова, жившим близ Лиергано и нередко имевшим удовольствие ужинать в обществе означенного тритона. Плиний упоминает о посольстве к Тиберию Олиссипоньян с известием, что они слышали, как тритон играл на арфе в некоей пещере; и сообщает еще многие достоверные факты о тритонах и nereidaх.

Его сиятельство мистер Лежебок: Я, право, удивлен. Сколько раз бывал я на море, и в самый разгар сезона, а русалок, кажется, не видел. *(Он позвонил, и явился Сильвупле, по виду которого тотчас стало ясно, что ему море по колено)* Сильвупле! Видел я когда-нибудь русалку?

Сильвупле: Русалку, сэр?

Его сиятельство мистер Лежебок: Ну, полудеву-полурыбу?

Сильвупле: А! Полу рыбу! Да, и очень часто, сэр. Тут на кухне все девы - такие рыбы - та foі ей-богу ! И хоть бы один был погоряшей, все холедный и грюсный, как могила.

Его сиятельство мистер Лежебок: Да нет же, Сильвупле, это не рыба, не...

Сильвупле: Ни рыба ни мясо, сэр?

Его сиятельство мистер Лежебок: Нет, не то, это такое чудо-юдо...

Сильвупле: Чудо-юдо! А! Я поняль, сэр! Да мы только их и видим, с тех пор как уехали из города!

Его сиятельство мистер Лежебок: Однако, ты выпил больше, чем следовало.

Сильвупле: Нет, мосье. Меньше, чем следовало. Болетный воздух ошнь вреден? и я попил с Вороном-дворецким для пользы здоровья.

Его сиятельство мистер Лежебок: Сильвупле! Я требую, чтоб ты был трезв.

Сильвупле: Oui, monsieur, я буду трезв, как преподобнейший брат Жан. Дворецкий чудо-юдо и так напился, что стал нем как рыба. Но я бы более хотел деву-рыбу. Ах! Вспомнил песенку, как это... "Рыба хорош, когда горяча, но горячая дева лучше леща!" *(Уходит)*

Его сиятельство мистер Лежебок: Я потрясен. Никогда еще не видывал я каналью в таком состоянии. Но позвольте ли, мистер Астериас, задать вам вопрос о cui bono для чего трудов и средств ваших, затраченных на поиски русалки? Cui bono, сэр, есть вопрос, какой я всегда беру на себя смелость задавать, когда вижу, как кто-то очень о чем-то радеет. Сам я по природе синьор Пококуранте и желал бы знать, есть ли что на свете лучше и приятнее, нежели существовать и ничего не делать.

Мистер Астериас: Я много путешествовал, мистер Лежебок, по берегам пустым и дальним, я исколесил земли скудные и неприветливые. Я не бежал опасности, я претерпевал труды, я изведаль лишения. И притом испытал я радости, какие никогда б не променял на то, чтоб существовать и ничего не делать. Я знал немало бед, но не изведаль худшей, под которой понимаю я все несчетные разновидности скуки: хандру, досаду, ипохондрию, черную меланхолию, времяпрепровождение, разочарование, мизантропию - и всю бесконечную череду их следствий: капризы, сварливость, подозрительность, ревность и страхи, которые равно заразили и общество наше, и его словесность; и которые обратили бы человеческий разум в Ледовитый океан, когда бы более человеческие устремления философии и науки не сохраняли в нас чувств высших и побуждений ценнейших.

Его сиятельство мистер Лежебок: Вы, однако ж, изволите строго судить нашу модную литературу.

Мистер Астериас: Как же иначе, когда пираты, разбойники с большой дороги и прочие разновидности обширного рода Душегубов - суть высший идеал деятельности практической точно так как желчная и уничижающая мизантропия есть идеал деятельности умственной. Насупленный лоб и загробный голос - необходимые ныне признаки хороших манер. И зловещий, иссушающий, смертоносный сирокко, дышащий нравственным и политическим отчаянием, несется теперь по всем урочищам нашего Парнаса. Наука же спокойно следует своим путем, питая юность восторгами чистыми и пылкими, зрелости доставляя труды спокойные и благодатные, а старости даря воспоминания и несчетные темы для целительных и ясных размышлений; и коль скоро жрец ее одаряет бескорыстным счастьем обогащать ум и множить благо общества, он стоит выше неверного людского приговора, мирских волнений и превратностей судьбы. Природа - великое и неистощимое его сокровище. Дни его не вмещают всех отпущенных ему радостей. Скука бежит его дверей. В согласии с миром и собственным разумом, он сам себе довлеет, радуется всех вокруг и встречает свой закат как завершение долгого и благодатного дня.

Его сиятельство мистер Лежебок: Хотелось бы и мне так прожить, но, боюсь, я бы не вынес напряжения. К тому же я закончил курс в колледже. Я ухитрюсь одолевать свой день, убивая утро в постели, вечер в гостиных; переодеваясь и обедая в промежутках и затыкая редкие дыры пустого времени с помощью легкого чтения. И в том милом недружелюбии, за какое корите вы нынешнюю салонную литературу нашу, черпаю я духовные силы для любимого моего занятия - ничегонеделания, ибо укрепляюсь в мысли, что никто не достоин того, чтобы что-то для него делать.

Марионетта: Но не выдают ли себя невольно авторы подобных сочинений? Нет ли в них противоречия? Ибо кто же, от души ненавидя и презирая свет, станет всякие три месяца публиковать толстый том затем только, чтоб сообщить об этом?

Мистер Флоски: Тут есть тайна, которую я поясню туманным замечанием. Согласно Беркли, *esse* всех вещей есть *percipi*. Они существуют постольку, поскольку мы их ощущаем. Однако, оставя проблемы и частности, касаемые до материального мира, материалистам, хилистам и антихилистам, ибо поистине этот вопрос нелегкий, обсуждаем теми, кто не в своем уме и чужд сей теме (поскольку лишь трансценденталисты не чужды ни этой, ни какой другой теме), мы можем с полной уверенностью утверждать, что *esse* счастья есть *percipi*. Они существуют постольку, поскольку мы его ощущаем. Элементы радости и страдания нашего есть повсюду. Степень счастья, которым одаряет нас любое обстоятельство или предмет, зависит от нашего настроения или расположения. Вникните в смысл обычных оборотов - "дурное расположение духа", "веселое настроение", и вы поймете, что истина, за которую я ратую, общепринята.

(Мистер Флоски внезапно осекся; он понял, что невольно вторгся в область здравого смысла)

Мистер Пикник: В самом деле. Веселое настроение всюду находит повод для удовольствия. В городе и в деревне, в обществе и наедине, в театре и в лесу, среди шумной

толпы и средь молчанья гор - всюду есть поводы для размышлений и радости. Один вид радости - слушать музыку "Дон Жуана" в театре, сверкающем огнями и блещущем нарядами красавиц; другой вид ее - плыть на закате по лону мирных вод, в тиши, возмущаемой лишь всплесками весла. Веселое настроение извлечет из того и другого радость, дурное расположение духа и в том и другом сыщет лишь недостатки и сравнения подкрепит свою склонность к недовольству. Один собирает лишь розы, другой лишь крапиву на своем пути. Одному дана способность наслаждаться всем, другой ничем не может насладиться. Один живо ощущает все радости, какие ему даны; другой обращает их в страдания, устремляясь к чему-то лучшему, которое оттого только лучше, что ему не дано, а если было бы ему дано, не показалось бы лучшим. Эти мрачные умы в жизни то же, что критики в литературе; они замечают лишь изъяны, потому что глаза их закрыты для прекрасного. Критик из кожи лезет вон, чтобы загубить нарождающийся гений; и ежели вопреки стараниям критика он растет, тот его не замечает; а потом жалуется на упадок словесности. Подобно ему, и враг общества хулит людские и общественные пороки, сам ограждаясь от всего доброго и изо всех сил стараясь загубить счастье свое и ближних. Мизантропия часто результат обманутого великодушия; но еще чаще порождает ее заносчивая суетность, которая не в ладу с целым светом лишь за то, что он ценит ее по заслугам.

Скютроп (*Марионетте*): Как, однако ж, строго! Человеческая природа прекрасна, но сейчас переживает несчастливый период. Пылким умам остается только мучиться недовольством. И в зависимости от того, верят они в улучшение человеческой природы или нет, они либо впадают в отчаяние, либо обращаются к надежде. Предел надежды - восторг, предел отчаяния - мизантропия; но источник их один; так текут в разные стороны Северн и Ви, но обе берут начало в Плинлимоне.

Марионетта: "И в обоих водятся лососи", потому что сходство тут такое же приблизительно, как между Македонией и Монмутом.

Глава 8

На другой день Марионетта заметила в Скютропе волнение, которого причины она не могла дознаться. Сначала хотелось ей верить, что оно вызвано каким-то преходящим пустяком и через день-другой улетучится. Но вопреки ее ожиданиям оно час от часу все возрастало. Она знала, что Скютроп весьма склонен любить таинственность ради таинственности; точнее, он прибегал к тайне для достижения своих целей, но избирал лишь те цели, какие требовали тайны. Теперь же, казалось, на него обрушилось куда более таинственного, чем допускала эта система, и покров тайны очень его стеснял. Все милые уловки Марионетты утратили свою силу и не могли более ни взбесить его, ни утешить; она поняла, что влияние ее уменьшилось, и это произвело в ней упадок духа и, следственно, унылую сдержанность манер, каковая не могла укрыться от внимания мистера Сплина; и этот последний, справедливо рассудив, что исполнение его желаний, касаемых до мисс Гибель, есть вещь невозможная (и день ото дня невозможней из-за отсутствия юной леди), постепенно начал смиряться с мыслью о том, что дочерью его будет Марионетта.

Марионетта не раз тщетно пыталась вырвать у Скютропа его тайну; и, наконец отчаявшись в этой затее, она решила узнать разгадку от мистера Флоски, дражайшего друга Скютропа, чаще прочих допускаемого в неприступную башню. Однако мистер Флоски более не показывался по утрам. Он углубился в сочинение унылой баллады. И вот, когда тревога Марионетты победила чувство благоприличия, она решилась сама пойти в покой, избранный им для занятий. Она постучалась и, услышав "Войдите", переступила порог. Был полдень, и солнце ярко сияло к великому неудовольствию мистера Флоски, который устранил неудобство, затворив ставни и задернув занавеси. Он сидел у стола при свете одинокой свечи и держал в одной руке перо, а в другой солонку, время от времени посыпая фитиль солью, дабы свеча горела синим пламенем. Он поднял "поэта взор в

возвышенном безумье" и устремил его на Марионетту, будто она призрачная фея очарованных видений; затем с явственным страданием прикрыл глаза рукою, покачал головою, потер глаза, словно просыпаясь ото сна, и с самой жалостной, самой достойной Джереми Тейлора печалью спросил:

- Чему обязан я сей нечаянной радостью, мисс О'Кэррол?

Марионетта: Простите, что помешала вам, мистер Флоски, но интерес, который я... который вы выказываете моему кузену Скютропу...

Мистер Флоски: Прошу прощения, мисс О'Кэррол. Я не выказываю интереса никому и ничему на свете; каковая позиция, ежели вы вникнете в ее суть, есть высшее проявление благороднейшего человеколюбия.

Марионетта: Совершенно верю вам, мистер Флоски; я не сильна в метафизических тонкостях, однако ж...

Мистер Флоски: Тонкостях! Милая мисс Кэррол, с прискорбием вижу я, что вы разделяете грубое заблуждение читающей публики, которую непривычное сочетание слов, влекущее за собой сближение антиперистатических понятий, тотчас наводит на мысль о сверхсофистической парадоксологии.

Марионетта: Право же, мистер Флоски, меня оно на эту мысль не наводит. Я пришла к вам с целью получить сведения...

Мистер Флоски (*качая головой*): Никто еще и никогда не приходил ко мне с подобной целью.

Марионетта: Я думаю, мистер Флоски... то есть я верю... то есть я полагаю, то есть мне представляется...

Мистер Флоски: ... id est, cioè, c'est a dire *то есть*, ваше "то есть", если вы извините мою смелость, мисс О'Кэррол, к данному случаю неприложимо. Думать - не то же, что верить, ибо вера во многих частностях происходит от полного отсутствия, полного отрицания мысли и являет поэтому самое здоровое состояние разума; мысль и вера существенно отличны от предположенья, а оно, в свою очередь, рознится от представления. Различие между предположеньем и представленьем - один из темнейших и важнейших вопросов метафизики. Я написал семьсот страниц, обещая разъяснить этот вопрос, и слово мое так же верно, как банковский чек.

Марионетта: Поверьте, мистер Флоски, метафизика интересуется меня не более, чем банковские чеки; и если бы вы могли снизойти до простой девушки и заговорить понятным языком...

Мистер Флоски: Мне до вас снизойти! Не говорите так. Да знаете ли вы, что разговариваете со скромнейшим из людей, который облекся в доспехи святости и окутался, как простым плащом, одеждами смиренья?

Марионетта: У моего кузена Скютропа с недавних пор очень таинственный вид, и это меня тревожит.

Мистер Флоски: Странно: ничто так не пристало человеку, как таинственный вид. На таинственности зиждется все, что только есть прекрасного в поэзии, все, что только есть священного в вере, все, что только есть невнятного в трансцендентальной психологии. Я пишу балладу, где все тайна; она "из вещества того же, что и сны сотворены" и даже просто сотворена из сна; ибо прошлой ночью я заснул, как всегда, над своею книгой, и мне приснился чистый разум; во сне сочинил я пятьсот строк; таким образом приснилась мне моя баллада, и ныне я действую как сам себе Питер Пигва и сочиняю балладу про свой сон, и она будет называться "Сон основы", потому что в ней нет никакой основы.

Марионетта: Я вижу, мистер Флоски, вы находите мое вторжение нелепым и в отместку говорите вздор. (*При слове "вздор" мистер Флоски так вздрогнул, что едва не опрокинул стол*) Уверяю вас, я никогда б не посмела вас тревожить, если б для меня не был так важен вопрос, какой я хочу вам задать. (*Мистер Флоски выслушал ее с мрачным достоинством*) Что-то тайно терзает душу Скютропа (*мистер Флоски промолчал*). Он

очень несчастлив... Мистер Флоски... Не знаете ль вы причины... (*Опять мистер Флоски промолчал*) Мне бы только узнать... Мистер Флоски... нет ли кое-чего... чему можно помочь кое-чем... что кое-кто... о ком я кое-что знаю... мог бы сделать.

Мистер Флоски (*помолчав*): Существует множество способов выведывать тайны. Самые испытанные, теоретически рассмотренные и практически предложенные в философских романах суть подслушивание под дверь, подглядывание в щелку, подбор ключей к комодам и конторкам, чтение чужих писем, отпаривание облаток, поддевание сургучной печати горячей проволокой - ни один из этих способов не представляется мне приличным.

Марионетта: Неужто, мистер Флоски, вы могли заподозрить во мне склонность заимствовать или поощрять подобные низости?

Мистер Флоски: Их, однако ж, рекомендуют, и со стройными доводами, сочинители основательные и знаменитые в качестве простых и легких способов изучать характеры и удовлетворять ту похвальную любознательность, которой цель - постижение человеческой натуры.

Марионетта: Нравственные понятия, которые вы не одобряете, мне так же незнакомы, как и метафизика, которую вы любите. Я лишь хотела с вашей помощью дознаться, что стряслось с моим кузенком; мне тяжело видеть его в печали, и, я думаю, для нее есть причина.

Мистер Флоски: А я так думаю, что для нее нет причины; печаль нынче в моде. Иметь для нее причину было б куда как пошло; печалиться же без причин - есть свойство гения; искусство тосковать из любви к тоске доведено в наши дни до совершенства; и древнему Одиссею, показавшему блистательный пример мужества в злоключениях действительных, пора уступить место герою современному, являющему более поучительный образец унылого раздраженья от вымышленных бед.

Марионетта: Вы премного меня обяжете, мистер Флоски, если дадите мне простой ответ на простой вопрос.

Мистер Флоски: Это невозможно, милейшая мисс О'Кэррол. Никогда еще в жизни не давал я простого ответа на простой вопрос.

Марионетта: Знаете вы или нет, что случилось с моим кузенком?

Мистер Флоски: Сказать, что я не знаю, значило бы сказать, что я в чем-то несведущ; но, избави бог, чтоб трансцендентальный метафизик, наделенный чистыми дочувственными познаниями обо всем на свете и носящий в голове всю геометрию, даже не заглянув в Эвклида, впал в столь эмпирическое заблуждение, как объявить себя в чем-то несведущим; сказать же, что я знаю, значило б утверждать возможность несомненного и обстоятельного знания о данной реальности, что, если вникнуть в природу факта и принять во внимание, насколько по-разному одно и то же событие может быть освещено...

Марионетта: Воля ваша, мистер Флоски, вы либо ничего не знаете, либо решились ничего мне не говорить; прошу прощенья за то, что без нужды вас потревожила.

Мистер Флоски: Милейшая мисс О'Кэррол, право же, я и сам от души бы рад вас ободрить, но, если хоть одна живая душа сможет сообщить о том, что добились каких бы то ни было сведений о каком бы то ни было предмете от Фердинандо Флоски, моя трансцендентальная репутация погибнет безвозвратно.

Глава 9

Скютроп час от часу делался более молчалив, таинствен и рассеян; и все дольше пропадал у себя в башне. Марионетта в том усматривала явственные признаки охлаждения нежной страсти.

Теперь они редко сходились по утрам наедине, а если это случалось, то, когда она молчала в надежде, что он заговорит первым, он не произносил ни звука; когда она

пыталась завязать беседу, он едва ее поддерживал; когда же она предлагала прямой вопрос, он отвечал коротко, уклончиво и принужденно. Но даже при таком упадке духа веселость не совсем покинула Марионетту и порой все еще ярко сияла в сумраке Кошмарского аббатства; и если вдруг она замечала в Скютропе проблески неугасшей либо воротившейся страсти, страсть ее терзать своего любовника тотчас брала верх над тоскою и склонностью, но только не над любопытством, которого вовсе не желал он удовлетворять. Веселость, однако ж, в большой мере была наигранна и обыкновенно исчезала, как только исчезал обидчивый Стреффон, которому назло она пускалась в ход. *Genius Locī, tutela* *Гений места, покровитель* Кошмарского аббатства, дух черной меланхолии начал запечатлевать свою печать на побледневших щеках ее. Скютроп заметил перемену, нежность вновь вспыхнула в нем, и он уже изо всех сил старался утешить опечаленную деву, заверяя ее, что мнимое безразличие вызвано было лишь тем, что он всецело погрузился в мысли о весьма успешном плане преобразования человеческого общества. Марионетта называла его неблагодарным, жестоким, бессердечным и упреки свои сопровождала слезами и вздохами. Бедный Скютроп с каждой минутой делался нежней и послушней и наконец бросился к ее ногам, восклицая, что никакое соперничество красоты самой ослепительной, гения самого трансцендентального, талантов самых утонченных и философии самой истинной не заставит его отказаться от божественной Марионетты.

"Соперничество!" - подумала Марионетта и вдруг с видом самого ледяного безразличия она сказала:

- Вы вольны, сэр, поступать как вам вздумается; прошу вас следовать своим планам, меня не принимая в расчет.

Скютроп был потрясен. Куда девались любовь ее и отчаяние. Не поднимаясь с колен, осыпая ее руку робкими поцелуями, он произнес с несказанной печалью:

- Так вы не любите меня, Марионетта?

- Нет, - отвечала Марионетта с холодным самообладанием. - Нет.

Скютроп все еще недоверчиво смотрел на нее.

- Нет, - повторила она.

- О! Что ж, прекрасно! - сказал он, вставая. - Коли так, найдутся и такие...

- Разумеется, найдутся, сэр. И неужели же вы думаете, что я не разгадала ваших намерений, жестокое чудовище?

- Моих намерений? Марионетта!

- Да, ваших намерений, Скютроп. Вы явились сюда, чтоб со мной порвать, но так, чтоб первое слово сказала я, а не вы, и тем хотели успокоить свою жалкую совесть. Но не думайте, что вы уж очень много для меня значите. Вы ничего для меня не значите. Ничего. И подите прочь. Я отвергаю вас. Слышите? Подите прочь. Отчего же вы не уходите?

Скютроп пытался было возражать, но тщетно. Она настаивала на том, чтоб он ее покинул, до тех пор, пока он в простоте своего сердца чуть было не покорился. Когда он был уже у порога, Марионетта сказала:

- Прощайте, - Скютроп оглянулся.

- Прощайте, Скютроп, - повторила она. - Вы меня более не увидите.

- Не увижу вас, Марионетта?

- Я уеду отсюда завтра, быть может, нынче же; и прежде чем мы снова свидимся, один из нас будет уже обвенчан, а значит, все равно что умрет для другого, Скютроп.

Внезапно изменившийся на последних словах голос и следовавшие за тем рыдания словно электричеством пронзили чистосердечного юношу; и тотчас же произошло полное примирение без всяких слов.

Иные ученые крючкотворы уверяют, будто у любви нет языка и что все ссоры и несогласия любовников происходят от несчастливой привычки употреблять слова там, где они невозможны; что любовь, будучи порождена взглядами, то есть физиогномическим выражением сродства душ, через постепенное нарастание знаков и символов нежности стремится к своему вожделенному венцу; и следственно, для

доказательства сродства душ не понадобилось бы и единого слова, когда б неумолимое общество не громоздило на пути любящих до того многочисленных препятствий в виде брачных контрактов и церемоний, родителей и опекунов, адвокатов, ростовщиков-евреев и пасторов, что не один отважный рыцарь (вынужденный для обладания плодом Гесперид пробиваться сквозь толпу этих чудищ) либо тотчас отказался от всей затеи, либо потерпел поражение, не достигнув счастья; и столько разговоров вдруг ведется вокруг предмета, их не требующего и не терпящего, что робкий и нежный дух любви часто упархивает вместе с крылатыми словами, против воли навязанными ему в услугу.

В эту минуту дверь отворилась, и вошел мистер Сплин. Он сел рядом с ними и сказал:

- Мне все понятно; и коль скоро все мы несчастливы делать то, что в наших силах, то и не стоит труда усугублять несчастье друг друга; а потому с божьим и моим благословением... - И, сказав это, он соединил их руки.

Скютроп не вполне приготовился к решительному шагу; он мог лишь запинаясь промолвить:

- Право же, сэр, вы слишком добры...

И мистер Сплин удалился за мистером Пикником, дабы скрепить договор.

Уж не знаем, насколько справедлива теория о любви и языке, о которой шла речь выше, верно одно, что, пока отсутствовал мистер Сплин, а длилось это полчаса, Скютроп и Марионетта не обменялись ни единым словом.

Мистер Сплин воротился с мистером Пикником; того весьма обрадовали виды такой блестящей партии для сироты-племянницы, которой он полагал себя в некотором роде опекуном; и, как выразился мистер Сплин, осталось только назначить день свадьбы.

Марионетта вспыхнула и промолчала. Скютроп тоже сперва помолчал, а потом произнес неверным голосом:

- Сэр, ваша доброта подавляет меня; но, право же, к чему такая поспешность?

Сделай это замечание девушка, от души или нет - ибо искренность не важна в этих случаях, как, впрочем, и во всех других, согласно мистеру Флоски, - сделай это замечание девушка, оно было бы совершенно *comme il faut* *уместно, подобающе*, но в устах молодого человека оно выходило уже *toute autre chose* *совсем иначе* и в глазах его возлюбленной, конечно, выглядело самым возмутительным и неискупимым оскорблением. Марионетта рассердилась, ужасно рассердилась, но скрыла свой гнев и сказала спокойно и холодно:

- Разумеется, к чему такая поспешность, мистер Сплин? Поверьте, сэр, мой выбор еще не сделан и даже, насколько я понимаю, склоняется в другую сторону; да и время терпит, можно обо всем этом думать еще целых семь лет.

И, не дав никому опомниться, юная леди заперлась у себя в комнатах.

- Господи, Скютроп, - произнес мистер Сплин с совершенно вытянувшимся лицом. - Поистине к нам сошел диавол, как замечает мистер Гибель. Я-то думал, у вас с Марионеттой все слажено.

- Так оно и есть, сэр, - отвечал Скютроп и мрачно удалился к себе в башню.

- Мистер Сплин, - сказал мистер Пикник, - я не вполне осознал, что тут произошло.

- Причуды, брат мой Пикник, - сказал мистер Сплин. - Какая-то глупая любовная размолвка, ничего более. Причуды, капризы, апрельские облачка. Завтра же их разгонит ветер.

- Но если не так, - возразил мистер Пикник, - то эти апрельские облачка сыграли с нами первоапрельскую шутку!

- Ах, - сказал мистер Сплин, - счастливый вы человек. Вы во всех невзгодах готовы утешиться шуткой, сколь угодно скверной, лишь бы она была ваша собственная. Я рад бы с вами посмеяться, чтоб доставить вам удовольствие; но сейчас на сердце у меня такая печаль, что я, право, не могу затруднять свои мышцы.

Глава 10

В тот вечер, когда мистер Астериас заметил на берегу женскую фигуру, которую он опознал как видимый знак его внутренних представлений 61 о русалке, Скютроп, придя к себе в башню, нашел в своем кабинете незнакомца. Окутанный плащом, тот сидел у его стола. Скютроп замер от неожиданности. При его появлении незнакомец поднялся и несколько минут пристально смотрел на него. Видны были лишь глаза незнакомца. Все остальное скрывали складки черного плаща, придерживаемого на уровне глаз правой рукой. Как следует разглядев Скютропа, незнакомец произнес:

- По лицу вашему я заключаю, что вам можно довериться, - сбросил плащ, и изумленному взору Скютропа открылись женские формы и очертанья ослепительной красоты и грации, длинные волосы цвета воронова крыла и огромные карие глаза, почти пугающей яркости, составлявшие разительный контраст со снежной белизной. Платье на ней было чрезвычайно элегантно, однако ж скроено на иностранный манер, так, словно и сама леди, и ее портной происходили из стран чужих и дальних.

Конечно, страшно лицом к лицу
Было девушке встретить в ночном лесу
Такую страшную красу...

Ибо, если одна молодая девушка непременно должна была испугаться, увидя другую под деревом в полночь, то еще больше должен был испугаться молодой человек, увидя в такой час девушку у себя в кабинете. Если логичность нашего построения ускользает от читателя, нам остается лишь сожалеть о его тупости и отослать его для более подробных разъяснений к трактату, который намеревается писать мистер Флоски о категориях отношений, то есть о материи и случайности, причине и следствии, действии и противодействии.

Скютроп, следственно, был - или должен был быть - испуган; во всяком случае, он удивился; а удивление, хоть и не равносильно страху, тем не менее шаг на пути к нему и как бы нечто промежуточное между уважением и ужасом, согласно учению мистера Бэрка о степенях возвышенного.

- Вы удивлены, - сказала незнакомка. - Но отчего же? Если бы вы встретили меня в гостиной и меня бы вам представила какая-нибудь старуха, вы бы ничуть не удивились. Так неужели же некоторая разница в обстановке и отсутствие несущественного лица делают тот же предмет совершенно иным в восприятии философа?

- Разумеется, нет, - отвечал Скютроп. - Но, когда определенный класс предметов представляется нашему восприятию в неизменных связях и определенных отношениях, то при внезапном появлении одного из предметов класса вне привычного сопровождения существенное различие отношений неосознанно переносится на самый предмет и он, таким образом, представляется нашему восприятию во всей странности новизны.

- Вы философ, - сказал леди. - И поборник свободы. Вы автор труда, названного "Философическая гиль, или План всеобщего просветления человеческого разума".

- Да, - отвечал Скютроп, согретый первым лучом славы.

- Я чужая в этой стране, - сказала она. - Я здесь всего лишь несколько дней, но уже ищу прибежища. Меня жестоко преследуют. У меня нет друга, которому могла бы я довериться; среди испытаний случай познакомил меня с вашей статьей. Я поняла, что у меня есть хоть одна близкая душа в этой стране, и решила довериться вам.

- Но что должен я делать? - спросил Скютроп, все более поражаясь и смущаясь.

- Я хочу, - отвечала она, - чтоб вы помогли мне отыскать место, где б я могла укрыться от неустанных розысков. Раза два уже меня чуть не схватили, и я не могу больше полагаться

на собственную изобретательность.

"Без сомнения, - подумал Скютроп, - это один из моих золотых светильников".

- Я построил, - сказал он, - в этой башне проход к галерее тайных покоев в главном здании, и никому на свете его не обнаружить. Если вам угодно остаться там на день и два, покуда я не сыщу для вас лучшего укрытия, вы можете положиться на трансцендентального елевтерарха.

- Я полагаюсь только на себя. Я делаю, что мне вздумается, хожу, куда мне вздумается, и пусть свет говорит, что хочет. Я достаточно богата, чтобы бросить ему вызов. Он тиран бедных и слабых, но раб тех, кто недостижим для его оскорблений.

Скютроп осмелился спросить имя своей protegee.

- Что есть имя? - отвечала она. - Любое имя может служить для распознавания. Зовите меня Стеллой. По лицу вашему я вижу, - прибавила она, - что все происходящее представляется вам странным. Когда вы лучше меня узнаете, вы перестанете удивляться. Я не желаю быть сообщницей закабаления моего пола. Я, как и вы, люблю свободу и провожу свои теории в жизнь. Лишь тот раб слепой власти, кто не верит в собственные силы.

Стелла поместилась в тайных покоях. Скютроп намеревался найти ей другое прибежище, но ото дня ко дню откладывал свое намерение, а потом и вовсе о нем позабыл. Юная леди ежедневно ему об этом напоминала, пока сама не позабыла. Скютропу не терпелось узнать ее историю; но она ограничивалась первоначальными сведениями о том, что спасается от жестокого преследования. Скютропу вспомнился лорд К. и закон об иностранцах, и он сказал:

- Раз вы не хотите называть своего имени, я полагаю, оно в портфеле у адвоката.

Стелла, не понимая о чем речь, промолчала, а Скютроп, приняв молчание за знак согласия, заключил, что укрывает мечтательницу, которую лорд заподозрил в намерении захватить Тауэр и поджечь Государственный банк - подвиги, столь же вероятные для юной красавицы, как и для пьяного сапожника и знахаря, вооруженных лишь статейкой и парой дырявых чулок.

Стелла в беседах со Скютропом обнаружила ум развитой и недюжинный, полный нетерпеливых планов освобождения и нетерпимости к мужскому засилью. Она тонко ощущала всякие угнетения, какие делаются под солнцем, и воображение живо рисовало ей картины несчетных несправедливостей, творимых вечно во всех частях света, что придавало ее лицу столь глубокую серьезность, словно улыбка ни разу не касалась ее уст. Она прекрасно знала немецкий язык и литературу; и Скютроп с отрадой слушал, как читает она наизусть из Шиллера и Гете, а также ее хвалы великому Спартаку Вейсхаупту, бессмертному основателю секты иллюминатов. Скютроп обнаружил, что сердце его обладает большею вместимостью, нежели он полагал, и не может быть заполнено образом одной Марионетты. Образ Стеллы заполнил все пустоты и начал уже теснить Марионетту со многих укреплений, оставляя, однако ж, за нею главную цитадель. Судя по тому, что новая его знакомка назвалась чужим именем Стеллы, он заключил, что она поклонница идей немецкой пьесы, носящей это название, и при случае завел с ней соответственный разговор; но, к великому его удивлению, она принялась пламенно отстаивать единственность и исключительность любви и объявила, что область чувств нераздельна и что можно разлюбить и полюбить вновь, но сразу двоих любить отнюдь невозможно.

- Если уж я люблю, - сказала она, - я буду любить безоглядно и безмерно. Все превратности будут мне не страшны, все жертвы легки, все препятствия нипочем. Но, любя так, я такой же любви пожелаю в ответ. Соперницы я не потерплю, удачливой или нет - не важно. Я не буду ни первой, ни второй - лишь единственной. Сердце, которое бьется для меня, должно биться для меня одной, либо мне его вовсе ненадобно.

Скютроп не смел упомянуть имя Марионетты; боясь, как бы несчастливый случай не открыл ее Стелле, он сам не знал, чего желать и чего пугаться, и жил в вечной горячке, сменяемый противоречьем. Он уже не мог таить от себя самого, что влюблен сразу в двух

дев, являющих полную друг другу противоположность. Чаша весов неизменно склонялась в пользу той прекраснейшей, что была у него перед глазами, но и отсутствовавшую он никогда не мог забыть вполне, хотя степень восхищения и охлаждения всегда менялась соответственно вариациям внешних, видимых проявлений внутренних, духовных прелестей его предметов. Меняя по многу раз на дню общество одной на общество другой, он был как волан меж двух ракеток и, получая меткие удары по нежному сердцу и порхая на крылышках сверхвозвышенного разума, менял направление с частотой колебаний маятника. Это становилось несносно. Тайны тут хватило бы на любого трансцендентального романтика и на любого романтического трансценденталиста. Была тут и любовь, доступная непосвященному и лишь посвященному уму. Возможность лишиться одной из них казалось ему ужасна, но он трепетал от страха, что роковая случайность может отнять у него обеих. Надежда убить сразу двух зайцев, закрепленная старинной мудростью, приносила ему минуты утешения, однако ж мысль о том, что бывает, когда за двумя зайцами погонишься, а также идея о двух стульях куда чаще приходили ему на ум, и лоб его покрывался холодной испариной. Со Стеллой он свободно предавался романтическим и философским грезам. Он строил воздушные замки, и она снабжала башенками и зубцами воображаемые строения. С Марионеттой все было иначе: она ничего не знала о мире и обществе помимо собственного опыта. Жизнь ее вся была музыка и солнце, и она не понимала, зачем надобно тужить, когда все так чудесно. Она любила Скютропа, сама не зная почему; она не всегда была уверена, что его любит; нежность ее то убывала, то нарастала в обратном соотношении к его чувствам. Умело доводя его до страстного порыва, она часто делалась и всегда притворялась равнодушной; обнаружив, что холодность ее заразительна и что он стал или притворился столь же безразличным, как она сама, она тотчас удваивала свою нежность и поднимала его к вершинам страсти, откуда только что его низвергла. И так, когда в его любви был прилив, в ее чувствах был отлив, и наоборот. Случались и минуты тихих вод, когда взаимная склонность сулила нерушимую гармонию, но лишь только успевал Скютроп довериться сладкой мечте, а уж любовный челнок его возлюбленной затягивало водоворотом какого-нибудь ее каприза и Скютропа несло от берега надежд в океан бурь и туманов. Бедный Скютроп не успевал опомниться. Не имея возможности проверить меру ее понимания беседами о темах общих и о любимых своих планах и всецело предоставленный догадкам, он, как и всякий бы любовник на его месте, решил, что она от природы наделена талантами, которые беспечно растрачиваются по пустякам и что с замужеством пустое кокетство ее кончится и философия сможет беспрепятственно влиять на нее. Стелла не кокетничала, не лукавила; общие интересы живо ее занимали; поведение ее со Скютропом всегда бывало ровно, вернее сказать, обнаруживало растущую внимательность, все более обещающую любовь.

Глава 11

Однажды, призванный к обеду, Скютроп нашел в гостиной друга своего мистера Траура, поэта, знакомого ему по колледжу и пользовавшегося особой благосклонностью мистера Сплина. Мистер Траур объявил, что готовится покинуть Англию, но не может этого сделать, не бросив прощального взгляда на Кошмарское аббатство и на глубоко чтимых друзей своих - скорбного мистера Сплина, таинственного Скютропа, возвышенного мистера Флоски и страждущего мистера Лежебока; и что всех их, а также мрачное гостеприимство меланхолического прибежища будет он вспоминать с самым глубоким чувством, на какое только способен его истерзанный дух. Каждый отвечал ему нежным сочувствием, но излияния эти прервало сообщение Ворона о том, что кушать подано.

Беседу, происходившую за бокалами вина, когда дамы удалились, мы воспроизведем далее со всегдашней нашей тщательностью.

Мистер Сплин: Вы покидаете Англию, мистер Траур. Сколь сладостна тоска, с какою говорим мы "прощай" старому приятелю, если вероятность свидеться вновь - один

против двадцати. Так поднимем же пенные бокалы за печальную дорогу и грустью скрасим час разлуки.

Мистер Траур (*наливая себе вина*) : Это единственный светский обычай, какого не забывает истомленный дух.

Его преподобие мистер Горло (*наливая*) : Это единственная часть познаний, какую удерживает счастливо преодолевший экзамены ум.

Мистер Флоски (*наливая*) : Это единственный пластырь для раненого сердца.

Его сиятельство мистер Лежебок (*наливая*) : Это единственный труд, какой стоит предпринимать.

Мистер Гибель (*наливая*) : Это единственное противоядие против сильной ярости дьявола.

Мистер Пикник (*наливая*) : Это единственный символ полной жизни. Надпись "Nis non bibitur" "*Здесь не пьют*" прилична лишь гробам.

Мистер Сплин: Вы увидите множество прекрасных развалин, мистер Траур; обветшалых колонн, замшелых стен; множество безногих Венер и безголовых Минерв; Нептунов, застрявших в песке; Юпитеров, перевернутых вверх тормашками; множество дырявых Вакхов, исполняющих работу фонтанов; множество напоминаний о древнем мире, в котором, чаю я, жилось куда лучше, чем в нынешнем; хотя, что до меня лично, так мне не нужен ни тот ни другой, и я и за двадцать миль никуда не двинусь, кто бы и что бы ни собирался мне показывать.

Мистер Траур: Я ищу, мистер Сплин. Мятущийся ум жаждет поисков, хотя найти - всегда значит разочароваться. Неужто не манит вас к себе родина Сократа и Цицерона? Неужто не стремитесь вы побродить среди славных развалин навеки ушедшего величия?

Мистер Сплин: Нимало.

Скютроп: Право же, это все равно, как если бы влюбленный откопал погребенную возлюбленную и упивался бы зрелищем останков, ничего общего с нею не имеющих. Что толку бродить среди заплесневелых развалин, видя лишь неразборчивый указатель к утерянным томам славы и встречая на каждом шагу еще более горестные развалины человеческой природы - выродившийся народ тупых и жалких рабов, являющий губительный позор унижения и невежества?

Его сиятельство мистер Лежебок: Нынче модно за границу ездить. Я и сам было собрался, да вот, боюсь, не вынесу напряжения. Разумеется, немного оригинальности и чудачества в иных случаях не лишнее; но самый большой чудак и оригинал - англичанин, который никуда не ездит.

Скютроп: Мне б вовсе не хотелось видеть страны, где не осталось никакой надежды на обновление; в нас эти надежды не угасли; и полагаю, что тот англичанин, который, благодаря своему дару, или рождению, или (как в вашем случае, мистер Траур) и тому и другому вместе, имеет счастливую возможность служить отечеству, пламенно борясь против его врагов, но бросает, однако ж, отечество, столь богатое надеждами, и устремляется в дальнюю страну, изобильную лишь развалинами, полагаю, что тот англичанин поступает так, как ни один из древних, чьи обветшалые памятники вы чтите, никогда б не поступил на вашем месте.

Мистер Траур: Сэр, я поссорился с женой; а тот, кто поссорился с женой, свободен от всякого долга перед отечеством. Я написал об этом оду, и пусть читатель толкует ее, как ему вздумается.

Скютроп: Уж не хотите ли вы сказать, что, поссорясь с женою Брут, и он это мог бы выставить причиной, когда б не захотел поддержать Кассия в его начинании? И что Кассию довольно было б подобной отговорки?

Мистер Флоски: Брут был сенатор; сенатор и наш дорогой друг. Но случаи различны. У Брута оставалась надежда на благо политическое, у мистера Траура ее нет. Да и как бы мог он питать ее после того, что увидел во Франции?

Скютроп: Француз рожден в сбруе, взнуздан и оседлан для тирана. Он то гордится

седоком, то сбрасывает его наземь и до смерти забивает копытами; но вот уже новый смельчак вскакивает в седло и вновь понукает его бичом и шпорами. Право же, не обольщаясь, мы можем уповать на лучшее.

Мистер Траур: О нет, я пережил свои упования; что наша жизнь - она во всемирном хоре - фальшивый звук, она анчар гигантский, чей корень земля, а крона - небосвод, струящий ливни бед неисчислимых на человечество. Мы с юных лет изнываем от жажды; до последнего вздоха нас манят призраки. Но поздно! Что власть, любовь, коль мы не знаем счастья! Промчится все как метеор, и черный дым потушит все огни.

Мистер Флоски: Бесподобные слова, мистер Траур. Блистательная, поучительнейшая философия. Достаточно вам впечатлить ею всех людей, и жизнь поистине станет пустыней. И, должен отдать должное вам, мне лично и нашим общим друзьям, стоит только обществу оценить по заслугам (а я льщу себя надеждой, что к этому оно идет) ваши понятия о нравственности, мои понятия о метафизике, Скютроповы понятия о политике, понятия мистера Лежебока об образе жизни и понятия мистера Гибеля о религии, - и результатом явится столь превосходный умственный хаос, о каком сам бессмертный Кант мог только мечтать; и я радуюсь от предвкушения.

Мистер Пикник: "Ей-богу, прапорщик, тут нечему радоваться". Я не из тех, кто думает, будто наше общество идет ко благу через всю эту хандру и метафизику. Контраст, какой являет оно с радостной и чистой мудростью древних, поражает всякого, кто хоть несколько знаком с классической словесностью. Стремление представить муки и порок как неперменные свойства гения столь же вредно, сколь оно ложно, и столь же мало имеет общего с классическими образцами, как язык, каким обычно бывает оно выражено.

Мистер Гибель: Это беда наша. К нам сошел дьявол и одного за другим отнимает у нас умнейших людей. Таков, видите ли, просвещенный век. Господи, Да в чем же тут свет, просвещение? Неужто предки наши едва разбирали дорогу в свете тусклых фонарей, а мы разгуливаем в ярких лучах солнца? В чем признаки света? Как их заметить? Как, где, когда увидеть его, почувствовать, познать? Что видим мы при этом свете такого, чего не видели бы наши предки и на что стоит посмотреть? Мы видим сотню повешенных там, где они видели одного. Мы видим пятьсот высланных там, где они видели одного. Мы видим пять тысяч колодников там, где они видели одного. Мы видим десятки обществ распространения Библии там, где они ни одного не видели. Мы видим бумагу там, где они видели золото. Мы видим корсеты там, где они видели латы. Мы видим раскрашенные лица там, где они видели здоровые. Мы видим, как дети мучатся на фабриках, а они видели их за резвыми играми. Мы видим остроги там, где они видели замки. Мы видим господ там, где они видели старейшин. Одним словом, они видели честных мужей там, где мы видим лживых мерзавцев. Они видели Мильтона, а мы видим мистера Винобери.

Мистер Флоски: Этот лживый мерзавец мой близкий друг; сделайте одолжение, оправдайте его. Конечно, он мошенник, ваша милость, потому я и прошу за него.

Мистер Гибель: "Честные люди добрые" - было столь же принятое выражение, как *καλὸς καὶ αἰσθητὸς добрый и хороший* у афинян. Но давным-давно уже и людей таких не видно, да и выражения не слышно.

Мистер Траур: Красота и достоинство - лишь плод воображения. Любовь сеет ветер и бурю жнет. Отчаянно обречен тот, кто хоть на мгновение доверится самой зыбкой тростинке - любви человеческой. Удел общества нашего - мучить и терпеть.

Мистер Пикник: Скорее сносить и снисходить, мистер Траур, какой бы презренной ни показалась вам эта формула. Идеальная красота не есть плод нашего воображенья, это подлинная красота, переработанная воображеньем, очищенная им от примесей, какими наделяет ее всегда наше несовершенное естество. Но драгоценное всегда было драгоценно; тот, кто ждет и требует слишком многого, сам виноват и напрасно винит природу человеческую. И во имя всего человечества я протестую против этих вздорных и злых бредней. Ополчаться против человечества за то, что оно не являет отвлеченного идеала, а против любви за то, что в ней не воплощены все высокие грезы рыцарской поэзии, все равно

что ругать лето за то, что выпадают дождливые дни, или розу за то, что она цветет не вечно.

Мистер Траур: Любовь рождена не для земли. Мы чтим ее, как чтили афиняне своего неведомого Бога; но мучеников веры имена - сердец разбитых - рать неисчислима, и взору вовеки не объять форм, по которым томится измученный усталый скорбный дух и за которыми устремляется страсть по тропам прелестей обманных, где душистый аромат трав вреден и где из деревьев брызжет трупный яд.

Мистер Пикник: Вы говорите точно как розенкрейцер, готовый полюбить лишь сильфиду, не верящий в существование сильфид и, однако, враждующий с белым светом за то, что в нем не сыскалось места сильфиде.

Мистер Траур: Ум отравлен собственной красотой, он пленник лжи. Того, что создано мечтою художника, нет нигде, кроме как в нем самом.

Мистер Флоски: Позвольте не согласиться. Творения художника суть средства воплощения общепринятых форм в соответствии с общепринятыми образами. Идеальная красота Елены Зевксиса есть средство воплощения подлинной красоты кротонских дев.

Мистер Пикник: Но считать идеальную красоту тенью на воде и, подобно собаке из басни, отбрасывая настоящее, гоняться за тенью - едва ли мудро и позволительно гению. Примирять человека, каков бы он ни был, с миром, какой бы он ни был, охранять и множить все, что есть в мире доброго, и разрушать или смягчать зло, будь то зло нравственное или телесное, - всегда было целью и надеждой величайших учителей наших, и это стремление украшает род человеческий. И еще скажу, что высшая мудрость и высочайший талант неизменно сочетались с весельем. Есть неоспоримые свидетельства тому, что Шекспир и Сократ, как никто, умели веселиться. А те жалкие остатки мудрости и гения, какие наблюдаем мы ныне, словно сговорились убивать всякое веселье.

Мистер Гибель: Как веселиться, когда к нам сошел дьявол?

Его сиятельство мистер Лежебок: Как веселиться, когда у нас расстроены нервы?

Мистер Флоски: Как веселиться, когда мы окружены читающей публикой, не желающей понимать тех, кто выше нее?

Скютроп: Как веселиться, когда великие наши общие намерения поминутно нарушаются мелкими личными страстями?

Мистер Траур: Как веселиться среди мрака и разочарования?

Мистер Сплин: Скрасим же грустью час разлуки.

Мистер Пикник: Споемте что-нибудь шуточное.

Мистер Сплин: Нет. Лучше милую грустную балладу. Норфольскую трагедию на мотив сотого псалма.

Мистер Пикник: Шутку лучше.

Мистер Сплин: Нет и нет. Лучше песню мистера Траура.

Все: Песню мистера Траура.

Мистер Траур (поет):

Се огневица, Каина печать,
Болезнь души, что в глубине сокрыта.
Но вдруг она способна просиять
И в склепе Туллии, среди гранита.
Ни с чем не схож незримый этот свет,
Сродни пыланью страшного недуга -
Сжигает радость, мир, сводя на нет
И тень покоя и участия друга.
Когда надежда, вера и любовь
Становятся лишь утреннею дымкой
И горстью праха - холодеет кровь,

Ты одинок пред светом-невидимкой.
Мерцаньем мысль и сердце вспоены,
Бредут за светляками до могилы.
Во мрак ночной всегда погружены
И попусту растрачивают силы.

Мистер Сплин: Восхитительно. Скрасим грустью час разлуки.

Мистер Пикник: А все же шутку бы лучше.

Его преподобие мистер Горло: Совершенно с вами согласен.

Мистер Пикник: "Три моряка".

Его преподобие мистер Горло: Решено. Я буду Гарри Гилл и спою на три голоса.
Начинаем.

Мистер Пикник и мистер Горло:

Кто же вы? Мы три моряка!
Посудина ваша чудна.
Полный вперед. Три мудреца.
Нам с моря виднее луна.
Льет свет она, и звезд полно.
Балласт наш - старое вино.
Балласт наш - доброе вино!
Эй, кто плывет там? Хмурый вид.
То старина Забота. К нам!
Мне путь Юпитером закрыт.
Я пролетаю по волнам.
Сказал Юпитер - тот, кто пьет,
Не знает никогда забот,
Не знает никаких забот.
Встречали бури мы не раз.
Поверь, нам не страшна вода.
Заговорен наш старый таз.
А влаге рады мы всегда.
Светит луна, и звезд полно.
Балласт наш - старое вино.
Балласт наш - доброе вино!

Песенка была столь мило исполнена, благодаря уменью мистера Пикника и низкому триединому голосу его преподобия, что все против воли поддались обаянию ее и хором подхватили заключительные строки, поднося к губам бокалы:

Светит луна, и звезд полно,
Балласт наш - доброе вино!

Мистер Траур, соответственно нагруженный, в тот же вечер ступил в свой таз, вернее в бричку, и отправился бороздить моря и реки, озера и кандалы по лунным дорожкам идеальной красоты.

Глава 12

Покинув бутылку ради общества дам, мистер Лежебок, как обыкновенно, на несколько минут удалился для второго туалета, дабы явиться пред прекрасными в надлежащем виде. Сильвупле, как всегда помогавший ему в этом труде, в чрезвычайной тревоге сообщил своему господину, что по аббатству ходят привидения и больше уже нельзя в том сомневаться. Горничная миссис Пикник, к которой Сильвупле с недавних пор питал *tendresse* *нежность*, прошлой ночью, как она сама сказала, до скончины напугалась по дороге в свою спальню потому, что наткнулась на зловещую фигуру, вышагивающую по галереям в белом саване и кровавом тюрбане. От страха она лишилась чувств, а когда пришла в себя, вокруг было темно, а фигура исчезла.

- *Sacre - cochon - bleu! Черт возьми!* - выкрикивал Сильвупле страшные проклятья. - Я не хочу встречаться с *revenant*, с призраком, ни за какое вино в мире!

- Сильвупле, - спросил его сиятельство мистер Лежебок, - видел я когда-нибудь призраков?

- *Jamais*, мосье, никогда.

- Ну, так надеюсь, и впредь не приведется. Нервы у меня совсем расстроены, и, боюсь, я не вынес бы напряжения. Ты расправь-ка мне шнурки на корсете... ох уж эта плебейская привычка наедаться - да не так, талию мне оставь. Ну, вот, хорошо. И я не желаю больше выслушивать историй о призраках; я хоть во все это, положим, не верю, но слушать про это вредно, и если ночью про такое вспомнишь, то может бросить в дрожь, особенно если лунный свет упадет на твой собственный халат.

Его сиятельство мистер Лежебок, впредь запретив Сильвупле рассказывать о призраках, однако ж все думал о том, что уже было ему рассказано; и коль скоро мысль о призраках не шла у него из головы, когда он явился к чаю и кофею и к обществу в библиотеке, он почти против воли спросил у мистера Флоски, которого почитал он истинным оракулом, можно ли хоть в какой-то степени доверять хоть какой-то истории о привидениях, хоть когда-нибудь кому-нибудь являвшихся?

Мистер Флоски: Очень многим и в очень большой степени.

Мистер Лежебок: Ах, право же, это пугает меня.

Мистер Флоски: *Sunt geminae somni portae* *Двое ворот открыты для снов*. Призраки проходят к нам двойными вратами - путем обмана и самообольщения. В последнем случае призрак есть *desceptio visus* *обман зрения*, зримый дух, идея с силой ощущения. Сам я видел много призраков. Полагаю, немногие среди нас никогда не видели призраков.

Его сиятельство мистер Лежебок: Счастлив сообщить, что я, к примеру, никогда их не видывал.

Его преподобие мистер Горло: О призраках есть такие авторитетные свидетельства, что разве отъявленный афей может в них не верить. Иов видел призрака, явившегося только для того, чтобы задать ему вопрос, но не дождался ответа.

Его сиятельство мистер Лежебок: Потому что Иов слишком перепугался, чтобы ему отвечать.

Его преподобие мистер Горло: Духи являлись египтянам, когда Моисей наслал на Египет тьму. Эндорская волшебница вызвала дух Самуила. Моисей и Илия явились на горе Фаворе. Злой дух был послан на войска Сennaхирима, разбил их за одну ночь.

Мистер Гибель: Говоря: "К вам сошел диавол в сильной ярости".

Мистер Флоски: Святой Макарий расспросил череп, найденный в пустыне, и тот поведал ему при многих свидетелях о событиях в преисподней. Святой Мартин Турский, ревнуя успехам мнимого мученика, своего соперника, соседнего святого, вызвал его дух, и тот признался, что обитает в аду. Святой Жермен, путешествуя, выгнал из одного кабака большую компанию призраков, которые каждую ночь располагались за табльдотом и отменно ужинали.

Мистер Пикник: Веселые призраки! И уж верно, все до одного монахи. В Париже

такая же точно компания забралась в погреб к мосье Свебаху, живописцу; они выпили у него все вино, а потом еще швыряли в голову ему пустые бутылки.

Его преподобие мистер Горло: Какая, однако, жестокость.

Мистер Флоски: Павсаний рассказывает, что всякую ночь с поля Марафона несло конское ржанье и шум битвы; и тот, кто шел туда, чтоб послушать эти звуки, жестоко платился за любопытство; тот же, кто ловил их случайно, оставался невредим.

Его преподобие мистер Горло: Я и сам однажды видел привидение; у себя в кабинете, где никому, кроме привидения, не пришло бы в голову меня искать. Три месяца я туда не заходил и вот решил было заглянуть в Тилотсона; открываю дверь и вижу: почтенная фигура во фланелевом халате сидит у меня в кресле и читает моего Джереми Тейлора. Фигура тотчас исчезла, и я тоже; и что это такое было и чего оно хотело - до сих пор ума не приложу.

Мистер Флоски: То была идея с силой ощущения. Призраки редко воздействуют на два чувства сразу; но в бытность мою в Девоншире мне достоверно подтвердили следующую историю. Молодая женщина, чей жених был в море, возвращаясь однажды вечером домой по пустынным полям, вдруг увидела своего любезного. Он сидел у забора, мимо которого лежал ее путь. Первые чувства ее были удивление и радость, но они исчезли при виде бледности и печали его лица и уступили место тревоге. Она приблизилась к нему, и он сказал важным голосом: "Око, видевшее меня, более меня не увидит. Глаза твои покоятся на мне, но я не существую". И с этими словами он исчез, а потом оказалось, что в тот самый день и час он погиб при кораблекрушении.

Все уселись в кружок и по очереди принялись рассказывать случаи с призраками, не замечая, как летит время, покуда полночь языком своим железным двенадцать не отсчитала.

Мистер Пикник: Все эти анекдоты можно объяснить причинами психологическими. Легче солдату, философу и даже святому испугаться собственной тени, нежели выйти из гроба мертвецу. Авторы сочинений врачебных приводят тысячи доказательств силы воображения. К особам нервического, слабого либо меланхолического склада, истомленным горячкой, трудами или скудной пищей, легко являются подстрекаемые собственной их фантазией духи, химеры, чудища, а также предметы ненависти их и любви. Все мы почти, подобно Дон Кихоту, принимаем ветряные мельницы за гигантов, а Дульцинею считаем сказочной принцессой, всех нас морочит собственная наша фантазия, хоть и не все доходят до того, что видят призраков или воображают себя чайниками.

Мистер Флоски: Я лично с уверенностью могу сказать, что видел слишком много призраков, чтоб верить в их подлинное существование. Каких только не видывал я призраков - то в образе почтенных старцев, встречавшихся мне в моих полуденных блужданиях, то в образе прекрасных юных жен, засматривавших в полночь сквозь занавеси ко мне в спальню.

Его сиятельство мистер Лежебок: И оказывавшихся, без сомнения, "доступными и зрению и касанью".

Мистер Флоски: Напротив, сэр. Вспомните о чистоте моей. Я и друзья мои, в особенности мой друг мистер Винобери, славны своей добродетелью. Нет, сэр, то были истинно неосязаемые духи. Я живу в мире призраков. Я и сейчас вижу привиденье.

Мистер Флоски устремил взор на дверь. Все заглянули туда же. Дверь тихо отворилась, и призрачная фигура, вся облаченная белым и в каком-то кровавом тюрбане, вошла и медленно прошествовала по библиотеке. Как ни был мистер Флоски привычен к призракам, это видение застало его врасплох, и он поспешил к противоположной двери. Миссис Пикник и Марионетта с криком бросились за ним следом. Его сиятельство мистер Лежебок, дважды повернувшись, сперва свалился с софы, а затем под нее. Его преподобие мистер Горло вскочил и кинулся бежать с такой живостью, что опрокинул стол на ногу мистеру Сплину. Мистер Сплин взвыл от боли над самым ухом мистера Гибеля. Мистер Гибель пришел в такое смятение, что вместо двери кинулся к окну, выпрыгнул из него и по

уши ушел в ров. Мистер Астериас и Водолей, подстерегавшие русалку, услышав всплески, набросили на мистера Гибеля сеть и вытащили его на сушу.

Скютроп и мистер Пикник тем временем бросились к нему на выручку; сопровождаемые слугами с веревками и факелами, прибежали они ко рву и увидели, что мистер Астериас и Водолей пытаются высвободить из сети отчаянно барахтающегося в ней мистера Гибеля. Скютроп застыл в изумлении, а мистер Пикник, с одного взгляда поняв, что произошло и отчего, разразился неудержимым хохотом; придя в себя, он сказал мистеру Астериасу:

- Да вы поймали рыбку в мутной воде!

Мистера Гибеля ужасно огорчила неуместная веселость; но мистер Пикник умерил его гнев, доставши нож и разрубив сей гордиев узел рыболовной снасти.

- Вы видите, - сказал мистер Гибель, - вы видите, джентльмены, на моем горестном примере неисчислимы доказательства нынешнего превосходства дьявола в делах мира сего; и у меня нет сомнений в том, что сегодня нас посетил сам Аполлион, явившийся под чужой личиной только для того, чтобы запугать меня нагромождением незадач. К вам сошел дьявол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени.

Глава 13

Мистера Сплина немало озадачивало, что, наведываясь в башню Скютропа, он находил дверь всегда запертою и по несколько минут ему приходилось дожидаться, пока его впустят; а тем временем он слышал за дверью тяжелый раскатистый звук, будто ввозят телегу на мостовые весы, либо колотят катком, либо изображают гром за сценой.

Сперва он не придал этому значения, потом любопытство заговорило в нем, и, наконец, однажды, вместо того чтоб постучаться, он, подойдя к двери, тотчас приник ухом к замочной скважине и, подобно Основе из "Сна в летнюю ночь", "усмотрел голос", который, как догадался он, принадлежал женщине и, как он понял, не принадлежал Скютропу, ибо голос последнего, куда более низкий, звучал в промежутках. Тщетно попытался он было различить в разговоре хоть единое слово и, наконец отчаявшись, заколотил в дверь, требуя, чтобы его немедленно пустили. Голоса смолкли, послышались обычные раскаты, дверь отворилась, и Скютроп оказался один. Мистер Сплин заглянул во все углы, а затем спросил:

- А где же дама?

- Дама, сэр? - возразил Скютроп.

- Именно, сэр.

- Сэр, я вас не понимаю.

- Не понимаете, сэр?

- Право же, сэр, здесь нет никакой дамы.

- Но эта комната, сэр, не единственная у вас в башне, и я совершенно убежден, что дама наверху.

- Прошу вас, обыщите все углы, сэр.

- А пока я буду их обыскивать, она как раз и удерет.

- Заприте эту дверь, сэр, и возьмите себе ключ.

- А выход на террасу? Она уже сбежала через террасу.

- С террасы нет выхода, сэр. А стены слишком высокие, и вряд ли дама станет через них прыгать.

- Хорошо. Давай сюда ключ.

Мистер Сплин забрал ключ, обыскал все закоулки башни и воротился.

- Ты хитрая лиса, Скютроп, хитрая, ловкая лиса. А еще скромника корчишь. Что это за грохот слышал я перед тем, как ты отпер дверь?

- Грохот, сэр?

- Да, сэр, грохот.

- Сэр, и вообразить не могу, что бы это такое было. Вот разве стол я отодвинул, когда вставал вам открыть.

- Стол! Дай-ка погляжу. Нет уж. Он и десятой доли того шума не наделал бы. И десятой доли.

- Но, сэр, вы не принимаете в расчет законов акустики; шепот обращается в громовые раскаты в фокусе отражения звука. Позвольте вам объяснить: звуки, ударяясь о вогнутые поверхности, отражаются от них, а после отражения сводятся воедино в точках, являющих фокусы этих поверхностей. Отсюда следует, что ухо, соответственно расположенное, может слышать звук с большей отчетливостью, нежели находясь у самого его источника; далее, в случае вогнутых поверхностей, помещенных одна против другой...

- Глупости, сэр. Что ты мне толкуешь о фокусах? Ну, скажи на милость, могут ли вогнутые поверхности произвести два голоса, когда никто не разговаривает? Я слышал два голоса, и один был женский. Женский, сэр. Ну, что ты на это скажешь?

- О, сэр, наконец-то я понял, что ввело вас в заблуждение: я пишу сейчас трагедию и разыгрывал сам с собою одну сцену. Могу вам ее показать. Но сперва надобно познакомить вас с планом. Это трагедия в германском духе. Великий Могол в изгнании и живет в Кенсингтоне с единственной дочерью своей, принцессой Рантрориной, которая зарабатывает шитьем и держит школу без пансиона. Принцесса застигнута на том, что метит рубашки для приходского священника: на всех будет большое Р. Великий Могол к ней входит. Пауза, в продолжение которой оба многозначительно смотрят друг на друга. Принцесса несколько раз меняется в лице. Могол в безумном волнении нюхает табак. Слышно, как несколько крупниц падает на сцену. Видно, как под пальто его колотится сердце. Могол (мрачно взглянув на свой левый башмак): "У меня шнурок порвался". Принцесса (скорбно помолчав): "Я знаю". Могол: "Второй шнурок! Первый порвался, когда я потерял свою державу, второй разорвался сегодня. Когда же разорвется мое бедное сердце?" Принцесса: "Шнурки, державы и сердца! Непостижимое согласие!"

- Глупости, сэр, - перебил его мистер Сплин. - Те голоса были вовсе не такие.

- Но, сэр, - отвечал Скютроп, - замочная скважина, верно, так устроена, что послужила акустической трубой, а труба акустическая, сэр, удивительно как меняет звуки. К тому же примите во внимание устройство уха и природу и источник звука. Внешняя часть уха представляет собою хрящевую раковину.

- Перестань-ка, Скютроп. Ты прячешь тут девушку, ну, а я ее отыщу. Бывают раздвижные стены и потайные ходы. - Мистер Сплин постучал по стенам тростью, однако ж ничего не обнаружил. - Мне говорили, сэр, - продолжал он, - что во время отсутствия моего, тому два года, ты часами запирался с немым столяром. Вот уж не гадал я, что ты тогда уже затевал тайные связи. В молодости кто не повесничает? Я и то в молодости повесничал, но теперь, когда кухня твоя Марионетта...

Скютроп понял, что дела его плохи. Заткнуть отцу рот, умолять, чтобы он замолчал, во-первых, ни к чему бы не привело, а во-вторых, тотчас бы возбудило подозрения, что он боится, как бы их не услышали. Единственной возможностью, следственно, было заглушить голос мистера Сплина; и, не имея другой темы, он углубился в устройство уха, повышая голос по мере того, как повышал его мистер Сплин.

- Когда кухня твоя Марионетта, - сказал мистер Сплин, - которую ты якобы любишь, которую вы якобы любите, сэр...

- Среднее ухо, - отвечал Скютроп, - частью костисто, частью хрящевидно, - его...

- ...в настоящее время в нашем доме, сэр; и вы в ближайшем будущем, я полагаю...

- ...прикрывает *membrana tympani*...

- ...соединитесь священными узами...

- ...под которой проходит пятая пара нервов...

- Я говорю, раз вы с Марионеттой скоро поженитесь...

- ...*cavitas tympani*...

Шум послышался за книжными полками, которые, к немалому удивлению мистера

Сплин, разделились посередине и разъехались надвое вместе со всеми книгами, подобно театральной сцене, с тяжелым рокошущим звуком (мистер Сплин тотчас признал в нем тот самый звук, что возбудил его любопытство) и открыли вход в потайное помещение, а прекрасная Стелла, выйдя оттуда, воскликнула:

- Как? Он собирается жениться? Распутник!

- Право же, сударыня, - сказал мистер Сплин, - я не знаю, ни что он собирается делать, ни что я собираюсь делать, да и кто бы то ни было; ибо все это непостижимо.

- Я все объясню, - сказал Скютроп, - и удовлетворительно объясню, если только вы благоволите оставить нас наедине.

- Ну и ну, сэр, и к какому же акту трагедии о Великом Моголе относится эта сцена?

- Молю вас, сэр, оставьте нас.

Стелла упала в кресло и разразилась бурными слезами. Скютроп сел подле и взял ее за руку. Она вырвала руку и повернулась к нему спиной. Он встал, обошел вокруг нее и взял за другую руку. Она и ее вырвала и снова от него отвернулась. Скютроп все молил мистера Сплина их оставить; но тот упрямылся и не уходил.

- Полагаю, - заметил мистер Сплин сердито, - что наблюдаю лишь акустический феномен, и юная леди есть отражение звука от вогнутых поверхностей.

В дверь постучали. Мистер Сплин открыл, и на пороге явился мистер Пикник. Он искал мистера Сплина и пошел за ним в Скютропову башню. На несколько минут он застыл в немом изумлении, а затем попросил объяснения у мистера Сплина.

- Есть удовлетворительное объяснение, - отвечал мистер Сплин. - Великий Могол поселился в Кенсингтоне, и внешняя часть уха представляет собою хрящевую раковину.

- Мистер Сплин, это ничего не объясняет.

- Мистер Пикник, это все, чем я располагаю.

- Сэр, веселость ваша неуместна. Я вижу, что над моей племянницею низко насмеялись; быть может, она сама сподобится внятного объяснения. - И он отправился на поиски Марионетты.

Положение Скютропа было безвыходно. Мистер Пикник поднял крик по всему аббатству, призывая жену и Марионетту в башню к Скютропу. Дамы, не понимая, в чем дело, ужасно всполошились. Мистер Гибель, завидя, как бегут они по коридору, заключил, что дьявол снова явил свою ярость, и последовал за ними из чистого любопытства. Скютроп тем временем тщетно пытался избавиться от мистера Сплина и успокоить Стеллу. Последняя порывалась убежать, объявляя, что немедля покинет аббатство и он никогда более о ней не услышит. Скютроп силой удерживал ее за руку, пока не воротился мистер Пикник, а за ним миссис Пикник и Марионетта. Марионетта, увидев Скютропа, держащего за руку прекрасную незнакомку, упала в обморок, в объятия миссис Пикник. Скютроп поспешил к ней на помощь; Стелла, вконец разгневавшись, бросилась к двери, но бегству ее помешало явление мистера Гибеля, распростершего ей объятия с возгласом:

- Селинда!

- Папа! - отвечала безутешная девушка.

- К вам сошел дьявол, - сказал мистер Гибель. - Откуда явилась к вам моя дочь?

- Ваша дочь! - вскричал мистер Сплин.

- Ваша дочь! - вскричали Скютроп и мистер Пикник с миссис Пикник.

- Да, - отвечал мистер Гибель. - Дочь моя Селинда.

Марионетта открыла глаза и устремила их на Селинду; Селинда, в свою очередь, устремила взор на Марионетту. Они помещались в противоположных концах кабинета. Скютроп, равно отдаленный от обеих, стоял торжествен и недвижим, как гроб Магомета.

- Мистер Сплин, - сказал мистер Гибель, - можете ли вы объяснить мне, каким образом оказалась здесь дочь моя Селинда?

- Я знаю не более, - отвечал мистер Сплин, - чем Великий Могол.

- Мистер Скютроп, - сказал мистер Гибель, - как оказалась здесь моя дочь?

- Я не знал, сэр, что это ваша дочь.

- Но как оказалась она здесь?

- В итоге перемещения в пространстве.

- Селинда, - спросил мистер Гибель. - Что все это значит?

- Право же, я сама не знаю, сэр.

- Ничего не пойму. Когда в Лондоне я сказал, что присмотрел тебе мужа, ты сочла за благо сбежать от него, но, по всей видимости, сбежала к нему.

- Как, сэр? Это и есть ваш выбор?

- Именно; если и твой, мы впервые в жизни придем к соглашению. - Я не выбирала его. Все права у этой дамы. Я его отвергаю.

- И я отвергаю его, - сказала Марионетта.

Скютроп не знал, как быть. И думать нечего было пытаться умиловить одну, не прогневав безвозвратно другую; а обе ему так нравились, что самая мысль лишиться навеки общества любой приводила его в отчаяние; а потому он спасался за испытанным покровом тайны; хранил загадочное молчанье; и довольствовался тем, что украдкой бросал искательные взоры то на один, то на другой свой предмет. Мистер Гибель и мистер Пикник тем временем требовали объяснения от мистера Сплина, который, как думали они, их обоих водил за нос. Тщетно пытался мистер Сплин убедить их в совершенной своей невинности. Миссис Пикник старалась примирить своего мужа со своим братом. Его сиятельство мистер Лежебок, его преподобие мистер Горло, мистер Флоски, мистер Астериас и Водолей, привлеченные шумом, поспешили к месту происшествия, и на них посыпались отдельные и общие возгласы сторон. Разнообразнейшие вопросы и ответы *en masse* во множестве, целиком составили *charivari кошачий концерт, гам, кавардак*, коему подобающий аккомпанемент мог бы сочинить разве гений Россини, и продолжалось это до тех пор, покуда миссис Пикник и мистер Гибель не увели плененных дев. За ними последовали остальные, исключая Скютропа, который бросился в кресло, положил левую ногу на правое колено, взялся левой рукой за левую лодыжку, оперся правым локтем о подлокотник, упер большой палец правой руки в правый висок, указательным пальцем подпер лоб, средний палец положил на переносицу, а два других сложил на ладони, устремил взор на прожилки левой руки и пребывал в этом положении подобно недвижному Тезею, каковой, как хорошо известно многим, не учившимся в колледже, а кое-кому даже из тех, кто там учился, "*sedet, aeternumque sedebit сидит и вечно будет сидеть*". Надеемся, что любители подробностей в романах и стихах по заслугам оценят наше тщание в передаче задумчивой позы.

Глава 14

Скютроп все еще сидел таким образом, когда вошел Ворон и объявил, что кушать подано.

- Я не могу обедать, - сказал Скютроп.

Ворон вздохнул.

- Что-то случилось, - сказал Ворон. - Но на то и рожден человек, чтобы мучиться.

- Оставь меня, - отвечал Скютроп. - Ступай каркай где-нибудь еще.

- Ну вот, - сказал Ворон. - Двадцать пять лет прожил я в Кошмарском аббатстве, и вся награда за мою верность "ступай каркай где-нибудь еще". А я-то таскал вас на спине и подкладывал вам лакомые кусочки.

- Добрый Ворон, - отвечал Скютроп. - Молю, оставь меня в покое.

- Подать обед сюда? - спросил Ворон. - При упадке духа врачи прописывают вареную курицу и стакан мадеры. Но лучше б отобедать с гостями: и так за столом почти никого.

- Почти никого? Как?

- Его сиятельство мистер Лежебок уехал. Сказал, что семейные сцены по утрам и призраки по ночам не дают ему покоя; и что нервы у него не выдержат такого напряжения.

Хотя мистер Сплин ему объяснил, что призрак был бедняга Филин, а саван и кровавый тюрбан - это простыня и красный ночной колпак.

- Ну, ну, сэр?

- Его преподобие мистера Горло вызвали для какой-то требы, то ли женить, то ли хоронить (точно не скажу) каких-то несчастных или несчастного в Гнилистокке. Но ведь на то и рожден человек, чтобы мучиться.

- Это все?

- Нет. И мистер Гибель уехал, и странная леди тоже.

- Уехали?

- Уехали. И мистер и миссис Пикник, и мисс О'Кэррол - все уехали.

Никого не осталось, только мистер Астериас с сыном, да и те сегодня уезжают.

- Значит, я потерял их обеих!

- Обедать выйдете?

- Нет.

- Прикажете принести обед?

- Да.

- Что прикажете подать?

- стакан портвейну и пистолет.

- Пистолет?

- И стакан портвейну. Я уйду, как Вертер. Ступай. Погоди. Мисс О'Кэррол мне ничего не передавала?

- Ничего.

- Мисс Гибель ничего не передавала?

- Это странная леди-то? Ничего.

- И ни одна не плакала?

- Нет.

- А что же они делали?

- Ничего.

- А что говорил мистер Гибель?

- Говорил пятьдесят раз кряду, что к нам якобы сошел дьявол.

- И они уехали?

- Да. А обед совсем простыл. Всему свое время. Можно бы сперва отобедать, а потом уж мучиться.

- Правда, Ворон. В этом что-то есть. Последую-ка я твоему совету: значит, принеси...

- Портвейн и пистолет?

- Нет: вареную курицу и мадеру.

Скютроп обедал и одиноко потягивал мадеру, погружаясь в унылые мечты, когда к нему вошел мистер Сплин, сопровождаемый Вороном, который, поставя на стол еще стакан и пододвинув стул мистеру Сплину, тотчас удался. Мистер Сплин сел против Скютропа. Каждый молча налил и осушил свой стакан, после чего мистер Сплин начал:

- Н-да, сэр, отличная игра! Я предлагаю тебя в мужья мисс Гибель; ты ее отвергаешь. Мистер Гибель предлагает тебя ей. Она тебя отвергает. Ты влюбляешься в Марионетту и готов отравиться, когда, блюдя интересы собственного сына, я не даю тебе благословенья. Ну а когда я даю свое согласие, ты убеждаешь меня не торопиться. И в довершение всего я обнаруживаю, что вы с мисс Гибель живете вместе в башне, как обрученная парочка. Итак, сэр, если всей этой чуши есть хоть какое-то разумное объяснение, я буду премного тебе обязан даже за самые скромные сведения.

- Объяснение, сэр, не так уж важно; но если угодно, я оставлю вам его в письменной форме. Участь моя решена: мир - подмостки, и мне предстоит уход за кулисы.

- Не говорите так, сэр. Не говори так, Скютроп. Чего ты хочешь?

- Мне нужна моя любовь.

- Но господа, сэр, кто же это?

- Селинда... Марионетта... любая... обе.

- Обе! В немецкой трагедии это бы сошло; и Великий Могол, верно, счел бы это весьма возможным в иных предместьях Лондона; но в Линкольншире это не у места. Хочешь жениться на мисс Гибель?

- Да.

- И отказаться от Марионетты?

- Нет.

- Но от одной-то надо отказаться.

- Не могу.

- Но ты не можешь и жениться на обеих. Что же делать?

- Я должен застрелиться.

- Не говори так, Скютроп. Будь умницей, милый Скютроп. Подумай хорошенько и сделай холодный, спокойный выбор, а я уж ради тебя не пожалею сил.

- Как же мне выбирать, сэр? Обе мне отказали. Ни одна не оставила надежды.

- Скажи только, кого из них ты хочешь, и я уж ради тебя постараюсь.

- Хорошо, сэр... я хочу... нет, сэр, я ни от одной не могу отказаться.

Я ни одну не могу выбрать. Я обречен быть вечной жертвой разочарований; и у меня нет иного выхода, кроме пистолета.

- Скютроп... Скютроп... А если одна из них вернется, что тогда?

- Это, сэр, могло бы изменить дело. Но это невозможно.

- Нет, это возможно, Скютроп; ты увидишь. Обещаю тебе, все так и будет. Потерпи немного. С недельку. И все обойдется.

- Неделя, сэр, целая вечность. Но ради вас, сэр, в последний раз исполняя сыновний долг, я даю вам слово, что проживу еще неделю. Сейчас у нас вечер четверга, двадцать пять минут восьмого. В это самое время, минута в минуту, в следующий четверг либо мне улыбнется любовь и счастье, либо я выпью последний стакан портвейна в этой жизни.

Мистер Сплин приказал подать бричку и отбыл из аббатства.

Глава 15

В тот день, когда уехал мистер Сплин, не переставая лил дождь, и Скютроп сожалел о данном слове. На другой день сияло солнце, он сидел на террасе, читал трагедию Софокла, и когда вечером Ворон объявил, что кушать подано, не очень огорчился, обнаружив себя в живых. На третий день дул ветер, лил проливной дождь и сова билась об его окна: и он насыпал еще порошу на полку. На четвертый день опять светило солнце; и он запер пистолет в ящик стола, где и пролежал он нетронутым до рокового четверга, когда Скютроп поднялся на башенную крышу и, вооружась подозрительной трубой, нетерпеливо всматривался в дорогу, идущую через болота от Гнилистака; но дорога была пустыня. Так следил он за нею с десяти часов утра до тех пор, пока Ворон в пять часов не призвал его к обеду; и, поставив на крыше Филина с подозрительной трубой, он побрел на собственные поминки. Он поддерживал связь с крышей и то и дело громко кричал Филину:

- Филин, Филин, не показался ли кто на дороге?

Филин отвечал:

- Ветер веет, мельницы кружатся, но никого нет на дороге.

И после каждого такого ответа Скютропу приходилось поддерживать свой дух бокалом вина. Отобедав, он дал Ворону свои часы, чтоб тот сверил их с башенными. Ворон принес часы, Скютроп поставил их на стол, и Ворон удалился. Скютроп снова крикнул Филина; и Филин, успевший вздремнуть, спросонья отвечал:

- Никого нет на дороге.

Скютроп положил пистолет между часами и бутылкой. Маленькая стрелка прошла

мимо семерки, большая двигалась неуклонно; оставалось три минуты до рокового часа. Скютроп снова крикнул Филина. Филин отвечал все то же. Скютроп позвонил в колокольчик. Ворон явился.

- Ворон, - сказал Скютроп, - часы спешат.
- Да что вы, - отвечал Ворон, ничего не ведавший о намерениях Скютропа.
- Отстают - это еще куда ни шло.
- Болван! - сказал Скютроп, наставив на него пистолет. - Они спешат.
- Да... да... я и говорю: спешат, - сказал Ворон в явственном страхе.
- На сколько они спешат? - спросил Скютроп.
- На сколько хотите, - отвечал Ворон.
- На сколько, спрашиваю? - повторил Скютроп, снова наставив на него пистолет.
- На час, на час целый, сэр, - проговорил перепуганный дворецкий.
- Переведи на час мои часы, - сказал Скютроп.

Когда Ворон дрожащею рукой переводил часы, послышался стук колес; и Скютроп, прыгая через три ступеньки, сразу добежал до двери как раз вовремя, чтоб высадить из экипажа любую из юных леди в случае, если б она там оказалась; но мистер Сплин был один.

- Рад тебя видеть, - сказал мистер Сплин, - я боялся не успеть, потому что ждал до последней минуты в надежде выполнить мое обещание; но все мои труды остались тщетны, как покажут тебе эти письма.

Скютроп в нетерпении сломал печати.

Письма гласили следующее:

"Почти чужестранка в Англии, я бежала от гнета родительского и угрозы насильственного брака под покровительство философа и незнакомца, в котором надеялась я обрести нечто лучшее или, по крайней мере, отличное от его ничтожных собратий. Не вправе ли я была после всего случившегося ждать от вас большего, нежели ваша пошлая дерзость - послать отца для торгов со мною обо мне? Сердце мое не много бы смягчилось, поверь я, что вы способны исполнить решение, которое, как говорит отец ваш, приняли вы на случай, если я останусь непреклонна; правда, у меня нет сомнений в том, что хотя бы отчасти вы исполните его и выпьете стакан вина - и даже дважды. Желаю вам счастья с мисс О'Кэррол. Я навсегда сохраню в душе благодарную память о Кошмарском аббатстве, где мне привелось встретиться с умом подлинно трансцендентальным; и хоть он немного старше меня, что в Германии вовсе не важно, я в очень скором времени буду иметь удовольствие подписываться -

Селинда Флоски "

"Надеюсь, милый кузен, что вы на меня не рассердитесь и всегда будете думать обо мне как об искреннем друге, равнодушном к судьбе вашей; я уверена, что мисс Гибель вам куда дороже меня, и желаю вам с нею счастья. Мистер Лежебок уверяет меня, что нынче уж от любви не стреляются, хоть говорить про это все еще модно. Очень скоро изменятся мое имя и положение, и я рада буду видеть вас в Беркли Сквере, когда к неизменному обозначению кузины вашей я смогу прибавить подпись -

Марионетта Лежебок "

Скютроп разорвал оба письма в клочки и в хорошо подобранных выражениях обрушился на женское непостоянство.

- Успокойся, милый Скютроп, - сказал мистер Сплин, - есть и еще девушки в Англии.
- Ваша правда, сэр, - ответил Скютроп.
- И в другой раз, - сказал мистер Сплин, - гонись за одним зайцем.
- Отличный совет, сэр, - промолвил Скютроп.
- К тому же, - заметил мистер Сплин, - роковой час миновал, ибо уже почти восемь.
- Значит, этот злодей Ворон, - сказал Скютроп, - обманывал меня, когда утверждал,

будто часы спешат; однако, как вы совершенно справедливо заметили, время миновало, и я как раз подумал, что неудачи в любви готовят мне большие успехи по части мизантропии; и следственно, я вполне могу надеяться, что стану человеком замечательным. Но вызову-ка я мошенника Ворона да распеку его.

Ворон явился. Скютроп свирепо смотрел на него две-три минуты; и Ворон, памятуя о пистолете, дрожал от немых предчувствий до тех пор, пока Скютроп, важно указывая в направлении столовой, не произнес:

- Подай сюда мадеры.